

АЛЬБЕРТ НАЛЧАДЖЯН

ЭТНИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРОЛОГИЯ

Альберт Налчаджян

Этническая характерология

«Налчаджян Альберт Агабекович»

2001

УДК 159.9
ББК 88

Налчаджян А. А.

Этническая характерология / А. А. Налчаджян —
«Налчаджян Альберт Агабекович», 2001

ISBN 99930-53-05-8

Книга посвящена разработке проблем одной из самых сложных областей этнопсихологии – этнической характерологии. Наряду с обсуждением существующих точек зрения на различные аспекты национального характера, автор развивает собственный подход к проблемам этнической характерологии, основанный на разработанной им теории социально-психической адаптации. По целому ряду вопросов предлагаются новые гипотезы и концепции. Вместе с тем проблемы этнической характерологии излагаются так последовательно и четко, что книга становится доступной преподавателям вузов, студентам и широкому кругу читателей. Подробно описываются: основные черты этнического характера, комплексы черт, значение этнической психологической самозащиты в развитии этнического характера, связь индивидуальных характеров с общеэтническими типами, психология предательства и этнические различия этого явления и многие другие вопросы. Автор и издательство, рекомендуя настоящую книгу специалистам и студентам, надеются, что представленные в ней идеи дадут толчок развитию некоторых важнейших разделов такой практически важной науки, как этнопсихология. Автор же рекомендует читателям параллельно ознакомиться с его недавно вышедшей книгой «Этнопсихологическая самозащита и агрессия».

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 99930-53-05-8

© Налчаджян А. А., 2001

© Налчаджян Альберт
Агабекович, 2001

Содержание

Предисловие	8
Часть I	9
Глава 1. Культура и этнос	9
§ 1. Культура, ее структура и типология	9
§ 2. Общечеловеческие элементы культуры	10
§ 3. Нововведения: оригинальные вклады разных народов	11
§ 4. Этнос, культура и «культурные стереотипы»	12
§ 5. «Культурные стереотипы» и этнический характер	12
§ 6. Этнические различия в создании вредных культурных ценностей и характер этносов	13
§ 7. Культурные и психологические универсалии	15
§ 8. Сравнение этносов и их культур	16
§ 9. Культурная относительность в понимании психических явлений	18
§ 10. Ряд фундаментальных этнопсихологических различий	20
§ 11. К проблеме типологии культур	24
§ 12. Постфигуративные, конфигуративные и префигуративные культуры и типы личностей	26
§ 13. Культурогенез, ноогенез и этногенез	29
§ 14. Природа человека и сближение этнических групп	30
§ 15. Этнозащитная роль культуры	31
§ 16. Инцест, этнозащита, характер	33
§ 17. Разные нации – сходные культуры	34
§ 18. Традиции, этнический характер и поведение	35
§ 19. Проксемия и проблема типологии этнических культур	39
§ 20. Два типа культур и маргинальный статус	41
§ 21. О трудностях полиэтнических обществ	42
§ 22. Последствия нарушения личного пространства	42
§ 23. Этикет, межэтнические отношения и я-концепция	43
§ 24. Тело человека и этническая культура	45
§ 25. Отражает ли культура этноса его психический склад?	46
Глава 2. Этническая культура и психический склад этноса	47
§ 1. Соотношение национальной культуры и психического склада нации	47
§ 2. «Субъективная культура» и проблема национального характера и менталитета	51
§ 3. Структура культуры и формирование личности	53
§ 4. Субкультуры, этнос и подтипы национального характера	53
§ 5. Экономический строй и национальный характер	54
§ 6. Этническая специфичность потребностей и мотивов людей (новый подход)	55
Часть II	58

Глава 3. Этнический психический склад и характер	58
§ 1. Этнический психический склад и его структура	58
§ 2. «Национальный дух» и психический склад нации	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Альберт Агабекович Налчаджян

Этническая характерология

© Налчаджян А., 2001 г.

Предисловие

Настоящая книга посвящена проблемам одного из наиболее сложных разделов этнопсихологии – этнической характерологии. Наряду с обсуждением существующих точек зрения на этнический характер, я предлагаю целый ряд новых идей, гипотез и концепций, которые, как я надеюсь, могут стимулировать развитие новых направлений в этнохарактерологии. Как и в предыдущих работах по психологии личности, социальной и этнической психологии, здесь я стремился последовательно осуществить адаптивный подход к изучаемым явлениям.

Настоящую книгу можно читать как вполне самостоятельное произведение. Однако для лучшего понимания ее содержания желательно предварительно ознакомиться с моей книгой «Этнопсихологическая самозащита и агрессия» (Ереван, Изд-во «Огебан», 2000, 406 с.), обратив при этом особое внимание на главы, посвященные вопросам этнической психологической самозащиты.

Надеюсь, что книга эта привлечет внимание как исследователей-этнопсихологов, этносоциологов и этнологов, так и преподавателей, студентов и широкий круг читателей, интересующихся вопросами современной этнопсихологии.

*Автор
Март 2001 г.*

Часть I

Культура, этнический психический склад и поведение

Глава 1. Культура и этнос

В настоящей главе собственно культурологические вопросы обсуждаются лишь в той мере, в какой они важны для рассмотрения закономерностей формирования этнического психологического склада, характера и этнически специфических форм поведения.

§ 1. Культура, ее структура и типология

А. Общее определение культуры.

В широком смысле слова «культура» – это все то, что создано человеком на Земле. М. Херсковиц (1895–1963) предложил следующее емкое и краткое определение: культура – это часть окружения человека, созданная самими людьми. Культуру отличают от природы, которая дана изначально, независимо от людей... К настоящему времени предложено более 150 разных определений культуры. Рассмотрев их, Кребер и Клакхон предложили определить культуру в качестве совокупности эксплицитных (явно выраженных) и имплицитных (неявных, скрытых) паттернов поведения, приобретаемых и передаваемых с помощью символов. Эти паттерны – достижения социальных групп, и они представлены в артефактах.

Ядром культуры являются традиционные идеи и ценности, которые прошли процесс отбора (селекции) и передаются исторически. Культурные системы являются результатом деятельности людей и, в свою очередь, обуславливают новые действия.

Возможны самые различные определения культуры, поскольку она – очень сложное явление и ее можно охарактеризовать на основе различных критериев. Наконец, один из основоположников антропологии, Э. Б. Тайлор, определяет культуру как комплексное целое, включающее те знания, убеждения, искусство, мораль, законы, обычаи и всякие другие способности и привычки, которые человек приобретает как член общества. А. О. Клинберг считал культуру целостным образом жизни, детерминированным обществом.

Когда современный человек появляется на свет, он находит перед собой две относительно независимые друг от друга внешние среды: природу (натуру) и культуру. Культура является результатом как спонтанной, так и (главным образом) целенаправленной, осознанной деятельности человека. Народы отличаются друг от друга своей культурой и важнейшей ее частью – языком. Порою независимо возникшие культуры так сильно отличаются друг от друга, что носители-народы во многих вопросах не понимают друг друга. Более того, этническая культура является одним из главных факторов формирования национального склада ума и характера. Каким образом это происходит, в определенной степени станет понятным из дальнейшего изложения. Все народы имеют культуру, но она у них различна по структуре, уровню развития, своеобразию, потенциалу дальнейшего развития и т. п. У многих культур имеются некоторые общие черты.

Б. Структура культуры.

Из каких частей состоит культура? Специалисты выделяют три части (или блока) каждой национальной культуры: 1) культура, локализованная как в индивидуальной психике людей, так и в психике («сознании») этносов, в их «общественном сознании»; 2) культура,

закрепленная в поведении людей и групп; 3) наконец, материализованная часть культуры (так называемая материальная культура).

Есть и иное представление о структуре культуры. Так, этнологи разделяют материальную и духовную культуру. Первая воплощена в предметах (орудия труда и оружие, жилище, средства передвижения, одежда и т. п.), вторая – это информация, закрепленная в памяти людей и народов. Понимая культуру как все то, что создано человечеством, можно утверждать, что все элементы и подсистемы культуры имеют этногенетическое значение и оказывают влияние на формирование характеров членов этноса. Но в этом отношении ведущую роль играет духовная культура.

Она – духовная культура – передается от поколения к поколению посредством языка и речи, устной или письменной. Духовная культура включает привычки и навыки, обычаи и ритуалы, научные знания, художественную литературу, правовые нормы, религию, искусство и т. п. Духовная культура выражается в различных формах поведения. Она включает национальную символику и стереотипы – как когнитивные, так и поведенческие, все способы социализации людей, родственные системы и соответствующие семантические сети, которые интериоризируются людьми в ходе их социализации. Да и сами национальные типы характеров, в том виде, как они заключены в культуре, являются ее частями. Однако между этими двумя большими блоками культуры нет противопоставления, они порой сливаются в единое целое, поскольку духовная культура фиксируется и передается в материальных формах. Именно поэтому исследование культуры – один из путей познания духа, психики, характера и умственных способностей народа.

Наука, например, является духовной культурой. Но она закрепляется в виде книг и других форм письменной материальной культуры, в технических изобретениях и т. п. Мы, по-видимому, должны говорить о материально-духовных культурных комплексах, в которых сгущенно представлены психические способности народа и его отдельных представителей – авторов этих произведений.

§ 2. Общечеловеческие элементы культуры

Есть элементы культуры, которые свойственны всем народам. Кратко это содержание общечеловеческой культуры так описывают известные этнологи: «Археологические и этнографические материалы неопровержимо доказывают, что люди современного вида с начала их формирования в древнем каменном веке всегда применяли в процессе коллективного труда изготовленные ими орудия, умели добывать и сохранять огонь, использовали его для приготовления пищи (сначала путем поджаривания, позднее – варки), сооружали какие-то, хотя бы самые примитивные, жилища, носили одежду (в жарком поясе крайне скудную), украшали свое тело и разные предметы повседневного обихода, следовали в общественной и семейной жизни определенным нормам поведения, имели зачатки проверенных практикой положительных знаний (в частности, медицинских), складывали и передавали от поколения к поколению песни, сказки, предания, легенды, мифы и другие виды устного поэтического творчества, создавали и развивали простейшие игры, танцы и другие элементарные зрелища».

Эти элементы входили во все культуры. Но в ходе этнической истории каждый народ создает новые ценности, которые постепенно становятся традиционными и даже распространяются в среде других народов. Если попытаться разобрать структуру культуры отдельного народа, то в ней можно увидеть следующие основные элементы, или, вернее, блоки: 1) общие представления о различных объектах и о том, как действовать с этими объектами (каковы функции этих объектов); 2) общие ценности, т. е. представления о том, что есть добро и зло, что красиво и что безобразно, что желательно и что нежелательно и т. п. В

настоящее время разрабатывается ценностная теория, которая занимается этими вопросами, хотя этническая аксиология еще не создана; 3) нормы поведения, которыми определяется, как следует взаимодействовать с людьми разных категорий, какие действия приемлемы и какие нет, и т. п.; 4) допущения или гипотезы об окружающем мире, о разных его аспектах; 5) общие для всех представителей данного этноса установки к разным явлениям, вследствие чего возникают также сходные особенности поведения; 6) язык и языковая культура в целом; 7) своеобразный словарь «мотивов»: этот словарь так своеобразен, что различные этносы с трудом понимают друг друга. Вследствие этого они скорее всего проецируют друг на друга свои собственные мотивы. Словесные обозначения мотивов тоже различны. Так как мотивы составляют важную часть сущности человека и поскольку разные этносы, как мы увидим, имеют различные представления о системе мотивов человека, то они по-разному понимают природу человека. Здесь предварительно отметим также (в связи с пятым пунктом вышеперечисленного), что указание об общих установках членов этноса позволяет в этой области использовать достижения теории социальных установок, в частности, современные объяснения так называемого парадокса Лапьера.

Обобщая, можно сказать, что культура есть система коллективных представлений народа или социальной группы. Культура повседневно воспроизводится и закрепляется в процессе взаимодействия людей. Когда люди, исходя из норм своей культуры, предъявляют друг другу определенные ожидания и ведут себя взаимно конформно, нормы культуры еще больше закрепляются. Особенности и шаблоны культуры создаются и живут в процессе социального взаимодействия. Такой верной точки зрения придерживались Р. Парк, П. Редфильд, Эд. Сепир, Т. Шибутани и другие авторы.

Своеобразная культура и соответствующий психический склад формируются у тех этносов, которые в течение долгого времени живут изолированно от других этносов. Но если этническая группа активно взаимодействует с другими группами, у нее такая целостная и оригинальная культура может не образоваться. В таких этнических общностях, как мы знаем, появляется много маргиналов. Одним из лучших примеров культуры, возникшей в изоляции, является японская культура. Для создания целостной культуры необходимо, чтобы этнос имел внутреннюю и использующую только его членами сеть коммуникаций.

§ 3. Нововведения: оригинальные вклады разных народов

Существует, таким образом, общекультурное достояние человечества. Оно складывается из тех элементов этнических культур народов, которые являются общими, возникли в различных культурах независимо друг от друга. Они свойственны всем группам вида «человек разумный».

Но, как мы сказали, есть и такие элементы культуры, которые сейчас и в прошлом были этноцентрическими, т. е. возникли только в среде одного этноса, хотя в последующем могли распространяться во многих культурах. Из этих культурных элементов можно указать следующие: 1) язык и письменность каждого народа являются культурным достижением именно данного народа, хотя в последующем могут перениматься другими народами. Например, русский или английский языки порождены определенными народами, но в настоящее время изучаются миллионами представителей других народов, поскольку являются эффективными средствами общения и получения новой информации; 2) определенные области материальной или духовной культуры специфичны только для определенных народов. Например, армянская архитектура является частью культуры армянского народа, она не является общечеловеческой, хотя и изучается не только армянами, но и специалистами других народов; порох – китайское изобретение, хотя он в настоящее время применяется всеми народами. Это же верно для огнестрельного оружия, ракет и т. п.; 3) религии

создаются отдельными народами, некоторые из них остаются местными, другие становятся мировыми. Можно привести очень много других примеров, но в этом нет необходимости. Главное – понимание того, что каждый народ вносит свой посильный вклад в общечеловеческую культуру.

Но из вышеизложенного ясно, что не все элементы национальных или этнических культур становятся общечеловеческими: это невозможно, да и не надо. Каждая национальная культура составляет систему, которая является оригинальным комплексом в своей целостности. Кроме того, в каждой национальной культуре есть такие элементы и их блоки (комплексы), которые тоже специфичны только для данного народа. Именно поэтому каждая национальная культура своеобразна. Но поскольку культуры народов имеют общие черты, возможно создание типологии культур. Выделение и описание культур по разным критериям важно не только для культурологии, но и для этнопсихологии, поэтому мы обсудим эту проблему отдельно.

§ 4. Этнос, культура и «культурные стереотипы»

А. Этнос и культура.

Мы уже знаем, что такое этнос и каково соотношение этноса и культуры. Когда этнос или нацию отождествляют с культурой, то допускают серьезную ошибку. Каждый народ (этнос, нация) имеет свою культуру, но никак не сводится к ней. Понятие культуры, по мнению психолога М. Сигалла, важно потому, что позволяет понять следующий существенный факт: в разных обществах социальные стимулы, воздействующие на человека, различны. В качестве примера он напоминает нам, что в американском обществе нельзя ждать, чтобы дети, встретив отца, падали ниц и целовали его ноги, как в некоторых восточных странах. Пример этот показывает, что культура оказывает глубокое влияние на нормы поведения и образ мышления людей.

Б. Общество и культура.

Общество, моно- или полиэтническое, состоит из людей, групп и их взаимоотношений. Каково соотношение общества и культуры? Высказана точка зрения, согласно которой культура является содержанием общественных отношений. Поэтому когда мы хотим сказать, что определенное событие имеет место в определенной культурной среде, лучше сказать «в обществе» или «в данной социально-культурной среде».

Правда, общество и его культура так взаимопроникают, что не всегда легко провести границу между ними. Например, новая форма управления или новая структура государственной организации – части общества или культуры? Ведь в обществах или социальных структурах содержатся знания, изобретения, привычные формы взаимосвязи людей и т. п., т. е. суть элементы культуры.

Все же дифференциация общества и культуры полезна. Развитие культуры имеет место в обществе. Одновременно и общество тоже развивается. Однако культура – очень сложная система, изменение одной части которой приводит к изменению многих других ее элементов и блоков, всего целого. Целостный характер культуры отражен в концепции «культурного стереотипа», которую мы сейчас рассмотрим.

§ 5. «Культурные стереотипы» и этнический характер

В древние времена между социальной жизнью, верованиями и материальной культурой народов существовало значительное сходство. Но велики были и различия. Этнологи установили, что в эти времена т. н. первобытнообщинного строя «...для каждого этноса был характерен единый комплекс взаимосвязанных явлений материальной и духовной культуры

и обусловленных ими норм поведения. Такой комплекс можно назвать „культурным стереотипом“».

Существование таких единых комплексов в виде культурных стереотипов представляет значительный интерес и для этнопсихологии как при исследовании этногенеза и различий этносов как человеческих сообществ, так и для установления главных психологических черт этноса, его психического склада и характера. Наша идея состоит в том, что, если существовали культурные стереотипы различных этносов, должны были существовать также «базисные личности», ядро этнического характера, и различные другие подтипы в зависимости от исполняемых ролей и способов социализации. Эти типы следует конкретно исследовать для каждого этноса отдельно. Получив описание основных компонентов социальных характеров мужчин и женщин, мы сможем затем проследить, каким образом эти типы характеров передавались от родителей детям в процессе семейной социализации.

Вторая проблема, которая возникает в связи с культурными стереотипами, следующая: можно ли считать началом этногенеза возникновение самого примитивного культурного комплекса народа? Что возникает раньше – этнос (род, племя) или культурный комплекс? Возможны ли этническая идентификация и самосознание этносов и их членов до образования хотя бы простейшего культурного комплекса?

Третья проблема: культурные стереотипы имели определенную локализацию в пространстве и устойчивость во времени, но в процессе исторического развития этноса постепенно изменились. Каким образом происходили эти изменения и как они отражались в изменениях психического склада этноса?

Наконец, если речь идет о культурных комплексах, мы должны показать, каким образом были взаимосвязаны их элементы, в том числе разнородные (материальные, духовные, трудовые, нормы поведения и т. д.), и, что очень важно для этнопсихологии, какие психологические типы людей были нужны в качестве носителей таких комплексов?

Считается, что «Культурные стереотипы первобытных этносов могли сильно различаться между собой по форме, но были на заре человеческой истории сходными по содержанию». Так ли это, и если так, то можно ли сказать, что психологические различия этносов выражались именно в форме культурных стереотипов? Вопрос этот требует тщательного исследования, поскольку утверждение о сходстве содержания культур нам представляется преувеличением. Мы уже ознакомились с основными элементами первобытных культур, и нетрудно догадаться, что между ними у разных этносов могут быть существенные различия и по форме (это доказано этнографией), и по содержанию.

§ 6. Этнические различия в создании вредных культурных ценностей и характер этносов

Здесь мы выскажем ряд идей, которые могут положить начало новым исследованиям в этнопсихологии. Мы полагаем, что сравнительное исследование этносов возможно и по следующему критерию: сколько каждый из этносов создал полезных и сколько вредных нововведений как в материальной, так и в духовной культуре. Причем важно не столько абсолютное количество, сколько относительное. Если, например, этнос Э1 создал всего N нововведений, из которых p_1 – полезных, а p_2 – вредных, и если p_1 больше p_2 , то это значит, что баланс в пользу полезных нововведений. У этноса Э2 баланс окажется другим. Можно также создать критерии минимально допустимого уровня вредных нововведений, определяя вес каждого из них. Весовые категории нововведений различны. Например, создание атомной бомбы по своим разрушительным последствиям несравнимо выше уровня создания лука и стрелы. Если в целом у этноса, скажем, более 10 процентов вредных нововведений,

то это уже можно считать признаком патологической агрессивности как к самому себе, так и к другим.

Почему и как возможна психологическая оценка творчества народов, их нововведений? Да потому, что любая культурная ценность (орудие, оружие, жилище, книги и т. п.) создается для удовлетворения определенных человеческих потребностей. Кроме того, создавая новые культурные ценности, люди усиливают ряд потребностей и создают новые потребности, в том числе квазипотребности – в том смысле, в каком это понятие используется в теории личности К. Левина. Создавая положительные или отрицательные ценности, этносы развивают у людей и групп целые системы ценностных ориентаций, которые, как мы увидим, в результате неоднократной актуализации превращаются в черты (или комплексы) характера индивидов и этносов.

Таким образом, проблема инноваций имеет непосредственное отношение и значение для развития этнической характерологии и, как мы уже вскользь заметили выше, на основе учета количества, видов, интенсивности и содержания инноваций можно судить о различных аспектах психического склада этноса. Для этого, исходя из предложенных идей, следует предпринимать конкретные сравнительные исследования этносов.

Для характеристики этносов имеет значение и то, что они с готовностью заимствуют у других народов. Легкость и естественность заимствования свидетельствует не просто о том, что заимствующий этнос понимает полезность того, что находит у других. Мы уже знаем, что для успешного заимствования необходимо, чтобы уровень развития этносов был примерно одинаковым (чтобы, как говорил Л. Н. Гумилев, они находились в одинаковой фазе развития). Мы бы добавили еще и фактор «родственности душ», сходство психических складов, менталитета, направленности интересов и ценностей и образа жизни. Эти факторы имеют решающее значение.

Известно, например, что австралийские аборигены не сумели быстро воспринять европейскую культуру и овладеть оружием защиты, поэтому (вследствие такой несовместимости) были истреблены англичанами. А вот маори Новой Зеландии оказались более восприимчивыми, сумели защитить свою этническую самобытность и стать, как предполагается, полноправными гражданами своей страны. Подобные факты весьма полезны для сравнительно-психологических исследований этносов.

Для более или менее корректного сравнения этносов по этим признакам и, следовательно, создания предпосылок для верных выводов об их потребностях, мотивах и чертах характера культурные нововведения должны быть классифицированы по критерию вредности-полезности. Это нелегко сделать, так как многие продукты культурного развития народов многофункциональны. Одно и то же орудие (например, нож или топор) можно использовать как для полезного труда, так и для убийства. Оружие (например, пистолет) можно использовать как для защиты, так и для нападения и уничтожения людей.

Поэтому всякая оценка по критерию полезности-вредности относительна. Все же есть нововведения, даже ставшие традициями, которые близки к полюсу абсолютной вредности. Таковы яды, наркотики, отравляющие боевые газы, орудия пыток, алкогольные напитки, некоторые вредные идеологии и ряд других изобретений.

Из некоторых стран-производителей наркотиков эти вещества в коммерческих целях распространяются по всему миру. Такую деятельность тоже можно считать близкой к абсолютно вредным видам инновативной деятельности народов. Склонность к подобного рода деятельности тоже характеризует психический склад и систему ценностей отдельных народов. Характеризовать этнический склад могут также культурные пережитки – как материальные, так и духовные. Есть орудия, элементы одежды, традиции и т. п., которые устарели, но еще находятся в употреблении разных народов или их подгрупп. Отсталым является тот, у кого накопилось много таких пережитков, новые заменители которых уже существуют.

Поскольку культурные традиции (старое) и инновации (новое) являются существенно различными по природе, то лежащие в их основе психические качества и процессы тоже различны.

Наша идея состоит в том, что для восприятия и сохранения традиций необходимы не такие человеческие качества, как для творчества, хотя в одной личности эти качества, механизмы и способности могут и сочетаться.

Исследуя эти явления, можно получить сведения о следующих особенностях нации: а) об уровне конформизма и консерватизма мышления и поведения; б) о мыслительных способностях, об их типе, областях более плодотворной активности и т. п.; в) о творческих способностях, интуиции и других возможностях интеллектуальной сферы этноса. Если заимствования используются творчески, получают национальные особенности и гармонично включаются в систему национальной культуры, то и это является творческой работой. Некоторые народы сильно преуспели в этом деле, особенно японцы, корейцы и другие.

Элементы культуры каждого этноса в начале своего развития были инновациями. Такое творчество имело место уже в период раннего антропогенеза, перехода от человекообразных обезьян-предков к современному человеку – «человеку разумному». Отсюда можно заключить, что все народы обладают определенными творческими способностями, но, по-видимому, неодинаковыми. Различные народы сделали неодинаковый вклад в мировую культуру. Начиная с «момента» своего этногенеза и в течение своей последующей истории каждый народ создает все новые культурные ценности. Но у разных народов творческая активность и плодотворность деятельности различны в силу ряда причин, как внутренних, так и внешних.

Наконец, для этнопсихолога интересно знать те психологические процессы, с помощью которых инновации превращаются в традиции. Каждая традиция когда-то была инновацией. Процесс превращения нововведений в традицию, а также взаимодействия традиционного и нового – интересная область этно- и социально-психологических исследований. В частности, интересно знать внутренние потенции развития традиционной культуры народа, раскрыть эти возможности.

§ 7. Культурные и психологические универсалии

При исследовании этнопсихологических проблем все время следует иметь в виду, что психические свойства и способности могут быть двух видов: а) универсальные, т. е. свойственные всем этносам, человечеству вообще. Иногда их называют панкультурными, т. е. свойственными представителями всех культур; б) специфические, т. е. свойственные людям отдельных этнических культур.

Исследователями выделено несколько типов культурных универсалий: 1) биологические или филогенетические, т. е. такие, которые есть у всех людей как представителей вида «человек разумный»; 2) поведенческие универсалии: это те виды и особенности поведения, которые тоже являются общечеловеческими. Мы можем наблюдать их у представителей всех наций и этносов. Таковы, например, некоторые экспрессивные движения, которые наблюдаются при переживании людьми различных чувств и эмоций (гнева, радости и т. п.). Это брачное поведение, которое в значительной мере одинаково у всех народов, хотя наблюдаются и некоторые различия; у разных народов существуют весьма сходные ритуальные действия перехода (инициации) и вообще ритуалы, которые сплачивают этнические общности и т. п.

Существуют психологические универсалии познавательных процессов. Например, эмпирические исследования позволили обнаружить, что ощущение цветов во всех этнических сообществах (культурах) одинаково, хотя их названия различны. Правда, обнаружен

также ряд сенсорных различий у представителей разных культур, что свидетельствует о существовании идиосинкразических культурных факторов.

Чуть подробнее поговорим о выражении основных эмоций, впервые описанных Ч. Дарвином. Он считал, что существует ряд первичных эмоций, которые у всех людей имеют типичные экспрессии с помощью лицевых мускулов. Один из видных специалистов в этой области, Э. Экман, показал, что существуют специфические мускулы, связанные с определенными первичными эмоциональными состояниями. Эти эмоциональные состояния универсальны. Но есть и культурно-специфические факторы, которые маскируют универсалии. Например, в разных культурах одна и та же эмоция возбуждается разными внешними стимулами, например, гнев возникает под воздействием разных стимулов. Культурную специфику могут иметь также правила выражения эмоций. Правила выражения – это те механизмы, которые управляют эмоциями и регулируют их выражение. Например, человек удивляется, но сразу же подавляет свое удивление и выставляет показное безразличие. Наконец, третье: последствия выражения эмоций в различных этнокультурных сообществах различны.

Исследования А. Дейвидсона показали, что во всех исследованных им культурах закономерности формирования и изменения установок (аттитюдов) одинаковы. Проведенные в других культурах исследования в целом совпадают с теми, которые проведены в США.

Клакхон, Мэрдок и другие исследователи попытались перечислить панкультурные, или универсальные, черты людей. Так, в списке, составленном Мэрдоком, названы 73 темы, включающие такие формы поведения, как траур, шутка, брак, разведение огня, создание мифов (мифологизация) и т. п. Описывая большое количество черт, исследователи затем, используя статистические методы, сводят их к небольшому числу черт или форм поведения, которые наблюдаются во многих известных культурах. Например, Аберле и его соавторы выделили 9 функциональных реквизитов, которые необходимы для выживания в любом обществе. В их число входят: а) способность эффективно действовать в природной среде; б) легкость обеспечения репродукции с помощью сексуального поведения; в) приобретенная с помощью обучения способность к символической коммуникации; г) ряд форм социального контроля, предотвращающих распад общества, и другие. Такие списки универсалий нетрудно создать. Они полезны тем, что помогают нам понять, какие проблемы следует ставить на собственно этнопсихологическом уровне исследования культурных и психологических, поведенческих явлений.

§ 8. Сравнение этносов и их культур

А. Полезность сравнительных исследований.

Поскольку между этносами и их культурами существует не только сходство, но и различия, одним из главных путей их исследования является сравнительный метод.

Когда одно и то же явление рассматривается в разных этнокультурных средах, получаются более обширные и верные результаты. В таком случае обобщения делаются уже не на основе узких данных одного общества, а на более широкой эмпирической и культурной основе.

Так, исследование того, как отнятие ребенка от материнской груди влияет на него в разных обществах, показало, что связь между этим событием и эмоциональными нарушениями не прямолинейная, как иногда полагают, а сложная, криволинейная. Причина этого в том, что в разных культурах дети отлучаются от материнской груди в разные возрастные периоды.

Польза сравнительных исследований также в том, что исследователям стало ясно: то, что в одном обществе считается ненормальным, патологическим или девиантным, в другой этнокультурной среде может восприниматься как вполне нормальное явление. Например,

такие явления, как одержимость, транс, колдовство и другие подобные состояния и действия являются типичными примерами явлений, совершенно по-разному воспринимаемых в разных обществах.

Б. Принципы сравнения этносов.

Сравнивать этносы в принципе можно по всем «параметрам» – культурным и психологическим. Однако для того, чтобы полученные результаты были надежными (верифицируемыми и фальсифицируемыми, как сказал бы Карл Поппер), следует иметь более или менее четкие критерии сравнения этносов.

1. Поскольку в каждый данный отрезок времени разные этносы находятся в различных стадиях и фазах культурного и психического развития, то, сравнивая их, мы можем прийти к точке зрения, согласно которой существуют хорошие и плохие, полноценные и неполноценные этносы. Поэтому специалисты (например, Л. Н. Гумилев и другие) пришли к выводу, что синхронное сравнение не является правильным методом. А ведь люди, даже политики, в повседневной жизни пользуются именно синхронными сравнениями, т. е. сравнивают теперешние (актуальные) культурные достижения и психологические качества этносов и приходят к выводам, которые благоприятны для одних и неблагоприятны для других этносов. На основе таких выводов даже принимаются политические решения. Расистские теории во многом опираются на синхронное сравнение этносов.

2. Более адекватным следует считать диахронический принцип сравнения, суть которого заключается в следующем: точно так же, как нельзя сравнить 5-летнего ребенка со взрослым 35-летним человеком и заключить, что ребенок во всех отношениях отсталый, а сравнивать надо двух индивидов одного и того же возраста, точно так же этносы следует сравнивать друг с другом в одинаковых фазах развития. Для этого, конечно же, надо иметь представление о фазах развития этносов.

Если взять за основу те периоды или фазы развития, которые описаны в литературе (а именно, ряд: род-племя-племенной союз-народность-нация), то два этноса Э1 и Э2 следует сравнивать в каждой из этих фаз. В настоящее время Э1 может находиться в фазе племени, а Э2 – в фазе нации. Следовательно их синхронное сравнение неуместно, во всяком случае – ненаучно. Правильнее поступить следующим образом: описать культуру и психический склад Э1 в племенном состоянии (в каком он есть сейчас), выяснить, каким был Э2 в прошлом, в племенной фазе своего развития, и сравнить с Э1.

Можно брать за основу другое представление о фазах развития этносов. Например, Л. Н. Гумилев, как мы уже знаем, считал, что этносы в своем развитии проходят следующие фазы: инкубационная фаза, фаза пассионарного нагрева, акматическая фаза и т. п. Древние нации более культурны и гордятся этим. Но они тоже проходят все предыдущие фазы развития и в будущем могут стать престарелыми, скопищами безразличных филистеров. Были времена, когда даже имена современных сильных наций были неизвестны, – замечает Л. Н. Гумилев. Весь цикл развития этноса, согласно этому автору, занимает около 1500 лет, но это в том случае, когда сильные внешние факторы не тормозят естественный ход развития этноса. С начала этногенеза до акматической фазы проходит около 250–300 лет. На основе нескольких интересных сравнений Л. Н. Гумилев показал, что принцип диахронического сравнения является наиболее приемлемым. Однако диахроническое сравнение не доказывает, что даже в одинаковых фазах развития между этносами нет различий по уровню интеллектуальной одаренности, морального развития, по мотивам поведения, культурным достижениям и т. п. Такие различия есть, и они ждут своих исследователей. Это большая и сложная проблема этнопсихологии и ряда других наук.

В ходе конкретных исследований названные выше два метода – синхронного и диахронического сравнения – используются в комплексе. Поскольку синхронное сравнение тоже

дает полезные результаты и показывает нам, почему иногда народам трудно понимать друг друга, в следующем параграфе рассмотрим ряд результатов, полученных этим методом.

§ 9. Культурная относительность в понимании психических явлений

При таком подходе или ориентации исследуют, в частности, различия в понимании основных психологических понятий людьми различных этнокультурных общностей. Рассмотрим некоторые из них.

А. Понимание интеллекта.

Этнические различия народов выражаются самым различным образом. Одним из них является то, что у разных этносов понимание одних и тех же психических явлений и понятий различно: оно зависит от традиций, опыта народа, уровня этнопсихологического развития и всего культурного контекста. Причем речь идет именно о народном понимании соответствующих явлений, поскольку, как мы увидим вскоре, среди интеллигенции понимание психических явлений более близко к европейскому.

Специально было исследовано понимание интеллекта в различных этнокультурных средах. Хотя и понятие «интеллект», и соответствующие тесты свободно используются во многих обществах, тем не менее существуют различия в понимании ума и интеллекта, в том, кого считать умным человеком.

При сравнительном исследовании этносов исходным является проведение различия между интеллектом и противоположным качеством – тупоумием или имбецильностью. Р. Эдгертон обнаружил, что у многих отсталых народов нет такого понимания умственной отсталости, какое принято на Западе. Однако во многих местах ум (интеллект) вызывает уважение, а умственная слабость оценивается соответствующим образом. Правда, оценочные суждения у разных народов различны. Например, по-разному оцениваются слабоумие, идиотизм и другие признаки слабости или силы интеллекта. Д. Прайс-Уильямс утверждает, что различия в понимании психических явлений у разных народов скорее всего касаются не сущности, а уровней дифференциации этих явлений от других. Так, М. Вебер, осуществив сравнительное исследование этносов, живущих в Уганде и говорящих на разных языках, показал, что они в основном одинаково понимают интеллект. Различия обнаружились, но не существенные. А в общем понимании этого явления присутствовали следующие характеристики: интеллект – это нечто необходимое, счастливое, здоровое, сильное и безопасное. Понимание интеллекта в Уганде сходно с его пониманием, которое обнаружено у средиземноморских народов.

Но даже в одной и той же этнической общности среди различных ее слоев есть различия в понимании интеллекта. Так, среди интеллигенции (врачей, студентов-медиков, учителей и др.) и «элиты» общества понимание сходно с тем, которое установлено среди европейцев и американцев. Они характеризуют интеллект как быструю и активную сущность, в значительной мере свободную от эмоциональных компонентов. Это хорошая способность рассуждения, социальная компетентность, осторожность и скромность. Такое смешение с чертами характера тоже интересно: известно, что по-настоящему умный человек естественным образом скромнее.

Тот же М. Вебер отмечает, что в западных странах среди народа распространено научное представление об интеллекте, свободное от эмоций и установок. Здесь народная традиция идет за научной традицией. По мере увеличения числа интеллигентов во всех странах научное понимание интеллекта отделяется от других компонентов личности. Однако понимание интеллекта народом никогда не может быть изолировано от того культурного контекста, в котором оно возникло.

Б. Понимание «Я» в разных этнокультурных средах.

В западной психологии образовалось определенное представление о том, что такое человеческое «Я» или я-концепция личности. Именно это понимание и представлено в наших трудах. Однако есть основание для предположения, что в различных этнических общностях понимание я-концепции не совсем одинаково. Это важно знать, поскольку я-концепция личности оказывает очень тонкое, «всепроникающее» влияние на все аспекты ее активности, в особенности, на ее социальное поведение.

Для осуществления сравнительных исследований я-концепции антропологи и психологи идут двумя путями. Они стремятся четко определить западное понимание я-концепции для того, чтобы тестировать и закодировать ее, а затем применить в разных культурах с целью раскрытия сходств и различий. Таким путем в США исследовали, например, различия я-концепции группы подростков-израильтян (см. Д. Прайс-Уильямс, указ. соч., с. 1006). Но это исследование не считается достаточно глубоким. Более трудным, но, по-видимому, перспективным является раскрытие я-концепции определенного этноса или культуры путем анализа ее доминирующих социологических и философских представлений. Проведен ряд таких интересных исследований. В частности, в Западной Нигерии, среди народа йоруба, сходное исследование провел философ Лалейе, сам родом из этого народа. Он обнаружил, что представители этого народа не стремятся вникнуть в суть я-концепции: их больше интересуют связи «я» с другими людьми и с вещами. Для получения этого результата философ провел семантический анализ мифов и повседневной речи этого народа.

Более подробно исследовано представление японцев о я-концепции.

В. Японское представление о я-концепции.

Как мы знаем, в европейской и североамериканской науке под «я» понимают такую психическую структуру, которая обособлена от других людей и от общества и находится «под кожей» личности. Представление об обособленности – самая характерная черта западного понимания я-концепции. Причем эта изолированность от общества и культуры ясно осознается человеком. Почему так получилось, что структура «я» европейца и американца как будто имеет четкие внешние границы?

Дело, по-видимому, в своеобразных путях развития общества и культуры. В отличие от такого представления, для японцев центр отчета, исходя из которого определяется собственное «я», для личности находится в другом человеке. Основное слово, которым на японском языке обозначают личность, джибун (jibun) состоит из двух слов: джи (ji) – первое лицо единственного числа, и бун (bun) – означающее часть, фракцию. По-видимому, джибун имеет более глубокий социальный смысл.

Различия между западным пониманием «я» (self) и японским «джибун» следующим образом описывает японский исследователь Кимура: западные исследователи признают, что «я» формируется в межличностных отношениях, однако оно («я») понимается как уникальная сторона личности, ее субстанция, которая остается неизменной в течение времени и при переходе из одной ситуации в другую. Что же касается японского понятия «джибун», то оно означает участие в чем-то, что локализовано за пределами «я» в западном смысле. Уровень участия зависит от динамики ситуации, джибун не имеет постоянных и неизменных границ.

У японцев «я» понимается через взаимосвязи и взаимозависимости человека. Предполагается, что японцам (как и представителям ряда других народов) трудно представить себе отдельное «я»: у них нет ощущения такого психического образования и им трудно отделять индивидуальное «я» от его публичной стороны. Как указывает упомянутый нами Ф. Хсю, китайское слово джен (jen) переводится на английский язык словом селф (self), однако при этом теряет свой реляционный смысл.

В Европе и США принято иудейско-христианское понимание «я». Но такое понимание чуждо, например, народам Черной Африки. Поэтому, проводя исследования в различных

этнокультурных обществах исходя из этого определения «я», можно получить искаженные результаты.

Исследования, проведенные французским Национальным центром научных исследований, позволили получить интересные данные. Например, пришли к предположению, что существуют бессознательные предпосылки и факторы, определяющие «я». Существуют представления об андрогинах и двойниках. У ряда этносов Черной Африки существуют довольно сложные метафизические системы, исходя из которых люди относятся к определению «я». Например, у народности котоко, живущей на севере Центральной Африки, «я» содержит 8 элементов, один из которых (sahe) имеет противоположный пол (в женщине – мужчина и наоборот). Вся эта концепция «я» зависит от сложной космологии этого народа.

Проблема самосознания личности, ее я-концепции всегда была одной из самых сложных в психологии. В настоящее время эта проблема стала также актуальной и в этнопсихологии, в частности – в сравнительно-этнопсихологических исследованиях.

§ 10. Ряд фундаментальных этнопсихологических различий

В данном параграфе рассмотрим еще несколько фундаментальных психологических различий этносов, оказывающих устойчивое воздействие на поведение их представителей.

А. Комплекс Эдипа в различных обществах.

Как широко известно, комплекс Эдипа (эдипов комплекс) – это сексуальное влечение мальчика к своей матери и агрессивное отношение к отцу, который воспринимается в качестве соперника. Это своеобразный семейный треугольник, оказывающий, по мнению психоаналитиков, глубокое влияние на развитие личности. Является ли данный психологический комплекс универсальным? Многие современные исследователи считают, что представление об эдиповом комплексе, описанном впервые З. Фрейдом на основе исследования европейской семьи, соответствует реальности.

Однако уже Бронислав Малиновский, известный антрополог, показал, что в других обществах семейная ситуация, условия социализации детей другие, поэтому эдипов комплекс в своей классической форме – как зависть к отцу и соперничество с ним за чувства и внимание матери – не наблюдается. Например, у островитян тробрианд, у которых сохраняется матриархат, мальчиков воспитывает дядя (брат матери). Поэтому в этих обществах наблюдаются напряженные отношения между мальчиками и их дядями, хотя дядя выступает не как родитель (genitor), а как воспитатель, играющий роль отца. Поэтому предполагается, что эдипов комплекс не обязательно возникает на основе сексуального соперничества. Скорее всего, играет роль дисциплинирующая социальная роль отца.

Б. Отношение к прошлому и цивилизованность.

Данный критерий мы выдвигаем исходя из следующей мысли А. С. Пушкина: уважение к минувшему отличает народы цивилизованные от народов варварских. Эту правильную мысль можно развернуть в психологических понятиях и получить полезную концепцию, различающую этносы по уровню развития («цивилизованности»). Для этого следует отличать отношение к прошлому собственного народа от отношения к прошлому других народов, а также всего человечества.

Чтобы психологически дифференцировать эти случаи, следует принимать во внимание то, что отношение (установка) к определенной социальной группе зависит от степени и формы идентификации с ней. Налицо: а) идентификация с другим индивидом; б) идентификация с другой группой; в) идентификация со своим этносом; г) идентификация с другими этносами и нациями; д) идентификация с человечеством.

Таким образом мы можем различать уровни цивилизованности как отдельных людей, так и социальных и этнических групп. Например, если определенная нация уничтожает другую и ее культуру, она тем самым доказывает, что стоит на низком уровне цивилизованности, не превосходя уровень идентификации со своим этносом. Этим доказывается, что вышеуказанный критерий является способом дифференциации этнических групп.

Однако отношение является сложным критерием. Оно ведь является социальной установкой со сложной структурой, опирается на механизм положительной или отрицательной идентификации, образуется на основе потребностей и мотивов, зависит от уровня морального развития личности и групп. Поэтому для развития предложенной концепции об этнических различиях следует привлечь теорию уровней морального развития Ж. Пиаже и особенно Л. Кольберга, применяя их не только к индивидам, но и к социальным и этническим группам.

Вопрос об этнических различиях по уровню цивилизованности приводит нас к постановке целого ряда новых вопросов: а) можно ли говорить о критериях различных этнических цивилизаций? б) что такое цивилизация вообще: идентична ли она с культурой, или включает еще какие-то элементы? в) обладают ли собственной цивилизацией народы, которые легко осуществляют уничтожение других народов? и т. п.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что первым и главным критерием цивилизованности является то, исследует ли данный этнос свою историю, а также историю других народов. Появление первых историков и мыслителей, исследующих историю своего народа, можно считать началом цивилизации данного народа, если, конечно, эта история не пишется на развалинах уничтоженной предшествующей цивилизации. Каждый настоящий политик тоже должен быть цивилизованным историком в том смысле, о котором мы только что говорили.

В. Конформизм: этнокультурные различия.

Проведенные исследования позволили обнаружить различия между этносами по уровню независимости и уступчивости (которую в настоящее время рассматривают в качестве разновидности социального конформизма). Так, Бэрри предположил, что в тех популяциях, в которых население живет плотно и оседло, следует ждать конформности, т. е. уступчивости перед социальным воздействием. Он предположил также, что эта конформистская тенденция будет усиливаться в семьях расширенного типа, где много членов, оказывающих психологическое давление друг на друга. Проведен целый ряд исследований социализации, во время которых регистрировались такие признаки социального поведения людей, как самоутверждение, независимость, достижение, подчинение и ответственность. Обобщив полученные данные, Бэрри показал, что в процессе социализации выделяется одно измерение: от поощрения независимости начиная с раннего детства до поощрения уступчивости к социальным требованиям. Данное измерение (фактор) имеет прямое отношение к плотности заселения дома.

Конформизм сильнее выражен, по-видимому, в оседлых земледельческих обществах, чем у охотников и кочевников. В таких обществах подчинение авторитету и соблюдение правил общежития выражены сильнее. В отличие от этого, в обществах охотников и собирателей поощряются новые способы добывания средств существования, в целом поощряются независимость и стремление опираться на собственные силы. Бэрри и его коллеги вначале сравнивали общества с высоким, средним, низким уровнями накопления запасов пищи по особенностям социализации своих членов. Работая на широкой сравнительно-культурной основе, они обнаружили четкие корреляции: такие личностные черты, как подчинение и чувство ответственности, наблюдаются в обществах, отличающихся высоким уровнем накопления. Эти особенности наблюдались как у мальчиков, так и у девочек. А такие черты, как

стремление к достижениям и самостоятельность характера членов общества, свойственны обществам с низким уровнем накопления.

Эти выводы очень важны для понимания истории этногенеза, формирования психического склада этносов и некоторых особенностей их взаимодействия и конфликтов. Таким образом, сравнительные исследования показали, что самоутверждение и независимость, с одной стороны, и конформизм и уступчивость, с другой, независимы. Более того, это отношение ковариативно (т. е. изменяется совместно) с жизнеобеспечивающей экономикой.

Эти находки побудили Дж. Бэрри повторить классические эксперименты С. Аша с целью исследования конформности уже в сравнительно-культурном контексте. Эксперименты проводились с некоторыми модификациями, поскольку выборки испытуемых здесь были другими. Бэрри хотел понять, каким образом влияет на оценку длины отрезков групповое согласие. Для этого он проводил исследования в различных типах обществ: номадических, в группах охотников и в оседлых сообществах сельскохозяйственных обществ. Гипотеза Дж. Бэрри состояла в том, что в обществах номадического типа и охотников у людей больше независимости от групповых суждений. В группах же оседлых земледельцев ожидалось встретить более высокий уровень конформности к групповым нормам.

В традиционных обществах эти предсказания сбылись, но в сельскохозяйственных обществах – нет. Исследователь заключил: в полном согласии с этнографическими данными номадические охотники более независимы от нормативных воздействий, чем оседлые народы, занимающиеся сельским хозяйством. Последние проявили тенденцию к принятию нормативных воздействий. А те популяции, которые имеют эко-культурные ранги, отличаются средней респонсивностью к нормативным воздействиям.

Если учесть, что в психологии номадизм и конформизм рассматривают в качестве защитных стратегий личности и групп, то можно с учетом приведенных выше сравнительных исследований утверждать, что эти механизмы не могут составлять устойчивый комплекс. Они во многом противоположные адаптивные стратегии.

Г. Межкультурные различия агрессии.

Мы уже знаем, что поведение следует считать в подлинном смысле слова агрессивным, если оно имеет внутренний мотив нанесения ущерба другому.

При сравнительных исследованиях в первую очередь бросается в глаза то, что одно и то же поведение в одной этнокультурной среде считается агрессивным, а в другой – нет. Кроме того, агрессия обычно бывает вплетенной в другие формы поведения и психологами и антропологами исследуется в таком сложном сочетании. Таково, например, применение социальных санкций со стороны одного человека или группы по отношению к другому человеку или группе.

Исследования шести различных культур показало, что одной из главных причин агрессивного поведения людей является плотность населения, скопление людей на небольшом пространстве. Оказалось, что во всех этих шести культурах наиболее агрессивны дети из расширенных семей. Дети, живущие в ядерных семьях, состоящих из родителей и детей, менее агрессивны.

Конкретизируя свои цели, У. Ламберт исследовал два аспекта проблемы: агрессию среди сверстников и агрессию, направленную ребенком против своей матери. Эти явления исследовались в следующих культурах: община баптистов в Новой Англии (США), североиндийская кастовая группа, филиппинское племя баррио на севере Лузона, село на Окинаве, индейское село в Мексике и сельская группа в Кении. Во всех этих популяциях наблюдалось следующее: когда дети ведут себя агрессивно к своим сверстникам, члены семьи реагируют на это одним из двух следующих способов: а) в одних семьях немедленно наказывают дерущихся детей; в таких семьях правило наказания применяется последовательно и от детей последовательно требуют подчинения; б) для второй группы семей характерно то,

что в них детей за агрессивное поведение не наказывали, если на них кто-то нападал и они защищались. В таких семьях правила по поводу агрессивного поведения детей менее последовательны; родители менее последовательны также в своих требованиях подчинения.

Было обнаружено, что наименее агрессивными являются мексиканские индейцы. Предполагают, что низкий уровень агрессивности этих людей обусловлен тем, какими родственниками окружен человек и в каких взаимных зависимостях они находятся. Мексиканских детей окружали другие дети близких родственников, и здесь агрессия между детьми не одобрялась, поскольку она представляла опасность для родственных связей.

Что же касается баптистской общины Новой Англии, то здесь дети имели более широкий выбор тех сверстников, с которыми могли играть и драться. Вероятность споров и драк с родственниками здесь была ниже. Анализ состава семей внутри каждого из этих этнических сообществ подтвердил описанные находки.

При исследовании агрессии, направленной против матери, обращают внимание на то, каким образом матери отвечают на агрессию детей. Оказалось, что в различных общностях в этом отношении имеются большие различия. Так, в одной из общин Кении матери наиболее жестоко наказывали детей в ответ на их агрессию, фактически мстили им. В то же время в североиндийских группах на агрессию детей матери отвечали весьма слабой агрессией. Объяснение опять следует искать в характере популяции, окружающей этих людей. В кенийском сообществе в одном доме проживает больше взрослых людей, чем в семьях североиндийского племени (касты). Люди, по-видимому, опасаются, что если не пресекать агрессию детей, направленную на мать, то она может распространяться и на других взрослых. Поэтому такая агрессия немедленно пресекается. Что же касается североиндийской группы, то здесь исследователи учитывают тот факт, что молодые женщины имеют низкий статус в новой семье. Но главным все же считается демографический фактор (см.: Прайс-Уильямс Д. Р., указ. соч., с. 1013).

Д. Этнические различия целей.

Поскольку системы ценностей и ценностных ориентаций этносов существенно различаются, то вполне естественно, что различными должны быть также те цели, преследование которых считается «законным» и достойным занятием. Приличными считаются те цели, которые выдвигаются на основе индивидуальных ценностей, если последние являются индивидуальными вариантами этнических ценностей.

То обстоятельство, что «приличные» цели в различных этнокультурных обществах различны, можно доказать путем сравнения. Такое сравнение провели между американцами и мексиканцами Т. Шибутани и К. Кван. В США большое значение придается личному успеху: какую бы специальность ни имел человек, ожидается, что он будет работать энергично и добиваться успехов. Ожидается также, что, добиваясь своих целей, человек может быть умеренно агрессивным.

Американцы склонны простить человека, который добивался успеха, причиняя вред другому, поскольку агрессивность и соперничество в этом обществе считаются неизбежными. И вот американцы, имея такие представления, считают, будто мексиканцы ленивы. Вместе с тем близко знающие мексиканцев могут подтвердить, что если они считают какую-либо цель действительно важной, могут работать для ее достижения очень хорошо. Те, кто считает мексиканцев ленивыми (т. е. употребляют такой отрицательный гетеростереотип), не учитывают историю, культуру и социальную среду этого народа. Мексиканцы всегда жили в условиях борьбы, под угрозой землетрясений и других катастроф, у них подспудно все время есть ожидание внезапной смерти. Поэтому они стали фаталистами, верующими в роковую неизбежность. Поэтому они безразличны ко многим вещам. Вот это безразличие и непонятно чужакам. Если люди не знают, что их ждет завтра, они стремятся жить «сегодня и здесь», для настоящего, без перспективы. Вот почему мексиканцы считают, что люди, под-

вергающие себя мучениям и ежедневно стремящиеся к успехам, ненормальны. Такие люди, по их мнению, лишают себя многих удовольствий и зря тратят свою жизнь.

Мы считаем, что для более корректного обсуждения этих вопросов следует различать две разновидности фатализма: а) отрицательный фатализм, при котором индивид или нация верят только в наступление новых бедствий, катастроф, исчезновение нации и даже конец света; б) положительный фатализм: это вера в счастливое будущее. Мы полагаем, что у каждой нации преобладает одна из этих разновидностей фатализма, на основе чего мы и можем охарактеризовать психический склад и менталитет этноса, а также тип его культуры: положительно-фаталистический или отрицательно-фаталистический.

§ 11. К проблеме типологии культур

Для исследования влияния культуры на национальный характер полезно ознакомиться с существующими типологиями культур, особенно с теми, которые выделяются на основе психологических критериев.

На основе психоаналитических исследований этнопсихологами и антропологами процессов социализации выдвинута точка зрения, согласно которой возможно выделение различных типов культур по критерию преобладания в них определенных чувств в процессе социального контроля над поведением людей.

По этому критерию выделяются культура стыда, культура вины и культура страха. Культурой стыда называют те культуры, в которых в ходе социального контроля в качестве основного механизма используется чувство стыда. В таких культурах люди преимущественно ориентированы на оценки других.

Культура вины отличается тем, что основное чувство, которое вызывается в процессе социального контроля, это чувство вины. Решающее значение придается индивидуальной совести, которая возникла благодаря интериоризации определенных универсальных норм.

Третий тип, который обычно выделяется, это культура страха. Данный тип этнических сообществ характеризуется также как инстинктивно-генетический. Для регуляции социального поведения людей в таких социально-культурных средах вызывают страх, пугают.

Данная типология культур используется для сравнения европейских и восточных культур.

Если культура страха тесно связана с инстинктивной (бессознательной) сферой психики человека, то культура стыда уже выходит за эти пределы, но она ориентирована только на свою группу (общность, этнос). Считается, что на данном уровне все еще нет независимой от группы личности, индивидуальные черты не выделяются из социальных, а честь считается чуть ли не чем-то материальным, что можно дарить или отобрать независимо от воли и действий индивида... В таких социальных средах человек действует, поскольку чувствует себя вынужденным это делать.

Культуры совести возникают на более поздних стадиях исторического развития, когда появляется личность, т. е. такой человек, который способен, исходя из своих принципов и усвоенных норм, управлять собственным поведением. Именно на этой стадии исторического развития общества и его культуры у людей возникает представление о «совести» как внутриличностной моральной инстанции. Человек, имеющий совесть, обсуждает свои дела и поступки и даже еще не реализованные намерения. На данной стадии представление о вынужденном заменяется представлением о долге: на смену общинной (родо-племенной) чести приходит представление о личном достоинстве.

Очевидно, что подобные этнопсихологические проблемы следует в наше время обсуждать уже на основе существующих концепций морального развития личности. В этой связи можно сформулировать следующие проблемы: 1) нужно иметь в виду, что не все наши совре-

менники в своем моральном развитии достигают уровня развития совести и личного достоинства. Часть людей и в наши дни остается на уровне общинной или узкоэтнической морали, у них не развивается личное достоинство. Таким преимущественно был, например, А. Гитлер; 2) мы полагаем, что уровень культуры стыда соответствует второму уровню морального развития (4-й фазе) по шкале Л. Кольберга, тогда как культуре совести и достоинства соответствует третий уровень (6-ая фаза) морального развития личности; 3) в дальнейшем, при создании типологии культур, лучше исходить из шкалы Кольберга и руководствоваться тем, какой процент взрослых людей данного общества достигает того или иного уровня моральной зрелости. Правда, для этого необходимы обширные массовые обследования этносов.

Следует считать правильной точку зрения, согласно которой во всех культурных общностях различные виды социального контроля не столько сменяют друг друга, сколько сочетаются. Они применяются в различных областях, в различных сферах взаимоотношений людей. Например, аристократы, общаясь между собой, в основном опирались на чувство стыда: это чувство было основным регулятором их социального поведения. Оно у них возникало в связи с нарушением аристократического кодекса чести. Но представителей низших слоев общества они заставляли бояться себя, т. е. регулировали их поведение с помощью страха. Собственный же страх они тщательно скрывали.

Мы считаем, что, поскольку в любом обществе есть различные социальные классы и иерархические системы господства-подчинения, в них встречаются все названные выше механизмы регуляции – страх, стыд и совесть, – которые применяются избирательно и гибко. Совершаются переходы от одного уровня социальной регуляции поведения к другому, эти уровни регуляции могут сочетаться. Это значит, что в каждом сложном обществе существуют различные типы культур. Например, та культура, которая господствует в семье, не может быть эффективным регулятором поведения в государственном учреждении или в армии. Именно поэтому молодым людям на первых порах трудно служить в армии: им еще предстоит усвоить особую культуру этой среды и механизмы регулирования исполнения ролей.

Следует учесть еще одно важное обстоятельство: в различных социально-культурных средах люди по-разному понимают чувства стыда и вины. А это, в свою очередь, зависит от особого понимания природы личности. Если в европейских странах принято считать, что личность является целостной системой и все ее действия выражают ее сущность, то в Японии, как мы уже знаем, существует иная и очень любопытная точка зрения. Исследователи свидетельствуют, что японцы избегают разговоров о человеке вообще и разделяют его поведение на сегменты, в каждом из которых существуют свои законы и моральные нормы. Поскольку японцы придают большое значение исполнению социальных ролей, их культура, как предполагала Рут Бенедикт, это «культура стыда». Однако подобная точка зрения в настоящее время считается упрощенной.

Считается, что поскольку японская культура является неиндивидуалистической и партикулярной, то человек, не оказавшийся на высоте тех ожиданий, которые предъявляются к его поведению, переживает сильное чувство вины. Но это чувство нередко символизируется как стыд. Правда, нет еще ответа на вопрос о том, как происходит подобная символизация.

Тут перед нами очень интересная проблема, которая может быть представлена следующим образом: а) одно чувство (эмоция) символизируется и репрезентируется как другое (другая). Но возникает вопрос: в чем адаптивная цель такого процесса? б) возможно ли, что в тех ситуациях, в которых европеец переживает стыд, японец переживает чувство вины? И есть ли такие же этнические различия между представителями других народов? в) какие имеются этнические различия в символизации чувств (в первую очередь – словесной символизации)? Чем эти различия обусловлены? Какие психолингвистические закономер-

ности здесь действуют? Мы считаем, что для развития этнической психологии решение этих вопросов имеет существенное значение.

В связи с описанной типологией культур остается целый ряд других неисследованных вопросов. Ряд этнопсихологов указал на то обстоятельство, что пока совсем не исследованы «предшественники» стыда, в то время как «предшественники» чувства вины изучены лучше. В целом, как верно заметил Прайс-Уильямс, в этой области многое еще ждет своих исследователей.

§ 12. Постфигуративные, конфигуративные и префигуративные культуры и типы личностей

Культуры народов – такие сложные системы, что позволяют классифицировать себя по значительному числу самых разных критериев. Нас здесь интересуют те классификации, которые позволяют видеть влияние особенностей культуры на личность члена этноса – носителя данной культуры. С этой точки зрения представляет интерес также предложенная много лет назад видным антропологом Маргарет Мид классификация культур на постфигуративные, конфигуративные и префигуративные. Вкратце рассмотрим эти типы и попытаемся, вместе с М. Мид, понять, какие типы личностей могут формироваться в этнических общностях с такой культурой.

А. Постфигуративные культуры.

Постфигуративными М. Мид называет очень медленно изменяющиеся культуры, в которых каждое новое поколение повторяет жизненный путь отцов и дедов. «Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей». Такие культуры существовали тысячелетиями, все традиции в них в неизменном виде наследуются все новыми поколениями. Чаще всего это были бесписьменные культуры, где все новое, да и все знания и традиции, запоминались и передавались изустно. Эти знания передавались детям очень рано и беспрекословно воспринимались ими как непререкаемые истины. И дети были уверены, что знают свое будущее и собственную личность. Даже в миграции традиции сохранялись неизменными. Преемственность культуры обеспечивалась одновременным существованием представителей трех поколений, причем слово старших было законом для младших. Это были общества, в которых старики были нужны, они служили образцом для молодых.

М. Мид подробно описывает такие культуры. Для этнопсихологии наиболее важна ее мысль о том, что в них каждый индивид воплощает в себе всю культуру. Это, по-видимому, тот случай, когда культура «превращается» в личность, воплощается в своих носителях. Моделью поведения для новых поколений в таких культурах являются старшие по возрасту люди – отцы и деды.

Но у разных племен и народов постфигуративные культуры неодинаковы, вследствие чего оказываются неодинаковыми и те типы людей, которые в них формируются. Чем отличаются друг от друга эти подтипы одного и того же типа культур? М. Мид писала: «Совокупность общечеловеческих мотивов действий и имеющихся в нашем распоряжении защитных механизмов, процессов осознания и восприятия, опознания и узнавания, процессов реинтеграции будет всегда одной и той же. Но способ их соединения неповторимо своеобразен и различен». Вот это «неповторимое своеобразие» соединения различных психологических и культурных «элементов», различные подтипы постфигуративных культур и являются предпосылкой формирования особого типа личности в каждой из них. Данное явление М. Мид обнаружила у народов бассейна Тихого океана.

Б. Конфигуративные культуры.

Такое название дает М. Мид той культуре, «... в которой преобладающей моделью поведения для людей, принадлежащих к данному обществу, оказывается поведение их современников». «Конфигурация» – подражание поведению современников, главным образом – сверстников. Правда, в таких сложных обществах сохраняются традиции тоже (вместе с их носителями), которые и определяют «пределы и проявления» конфигурации. Но когда молодые выражают новый стиль поведения, другие ориентируются на них, а не на мнение более старших. В таких обществах более терпимо относятся к нововведениям.

М. Мид перечисляет все главные условия кризиса постфигуративных, т. е. традиционных культур, в условиях которого и совершается переход общества к конфигурации: «Конфигурация начинается там, где наступает кризис постфигуративной системы. Этот кризис может возникнуть разными путями: как следствие катастрофы, уничтожающей почти все население, но в особенности старших, играющих самую существенную роль в руководстве данным обществом; в результате развития новых форм техники, неизвестных старшим; вслед за переселением в новую страну, где старшие всегда будут считаться иммигрантами и чужаками; в итоге завоевания, когда покоренное население вынуждено усваивать язык и нравы завоевателей; в результате обращения в новую веру, когда новообращенные взрослые пытаются воспитать своих детей в духе новых идеалов, не осознанных ими ни в детском, ни в юношеском возрасте, или же в итоге мер, сознательно осуществленных какой-нибудь революцией, утверждающей себя введением новых и иных стилей жизни для молодежи».

Учет всех этих изменений общества совершенно необходим для понимания того, что отмеченные события создают новые условия формирования личности детей и подростков. Если традиционное общество в значительной мере уступает свои позиции новым условиям и социальным процессам, тогда и методы традиционного воспитания становятся неэффективными. Формирование типичных представителей данного этноса становится очень трудным, конфигурации «базисной» и «модальной» личностей меняются. Начинают формироваться новые этнические и маргинальные типы людей.

В таких обществах появляется большое количество индивидов, получивших различное воспитание, имеющих различные социальные и этнические установки. Одни ориентированы на традиции и на старших, в том числе предков, другие – преимущественно на современников. Вследствие этого культура общества претерпевает значительные изменения.

Мы полагаем, что для углубления понимания этих наблюдений следует использовать теорию референтных групп с учетом трех возможных векторов референций: на прошлое, на настоящее и на будущее, пока еще не существующие социальные группы и значимые, авторитетные личности. При разработке этнической характерологии и методов формирования желательных для общества людей следует исходить из этих трех возможностей социальной референции и возможных их сочетаний в процессе социализации новых поколений. Здесь отметим также, что проблема благородства и его проекций на прошлое и будущее, которую мы, опираясь на ряд идей Х. Ортеги-и-Гассета обсуждаем в § 3 гл. 3, непосредственно сопрягается с теми вопросами, которые мы здесь обсуждаем.

В конфигуративных культурах «... опыт молодого поколения радикально отличен от опыта их родителей, дедов и других старших представителей той общины, к которой они непосредственно принадлежат». Отцы и деды уже не могут служить им в качестве образцов. Говоря иначе, молодые уже не идентифицируют себя с ними, вследствие чего между поколениями происходит разрыв.

Новое поколение должно адаптироваться в новых условиях, а это осуществляется путем усвоения или создания новых форм поведения.

Потребность в создании новых способов поведения возникает в эмиграции, после принятия новой религии, в ходе и после революционного преобразования общества: победившие революционеры стремятся по-новому воспитывать молодое поколение. (Вспомним т. н.

«культурную революцию» в Китае). В этих новых ситуациях молодые приспосабливаются лучше, чем их отцы и матери, которые, вследствие лишь частичной адаптации, сплошь и рядом допускают ошибки. Мы считаем, что в процессе адаптации к новым условиям формируются новые типы личностей, тогда как личности родителей претерпевают лишь поверхностные изменения.

Именно в обществах с культурой конфигуративного типа возникают конфликты поколений. Родители желают, чтобы дети стали личностями того же традиционного типа, что и они, но в новых условиях это невозможно. Возникают конфликты вокруг многих ценностей и форм поведения: методов воспитания, пределов предоставляемых детям свобод, способов контроля за поведением и его управления. Авторитарные методы традиционного общества малопригодны.

Мы считаем, что устойчивое присутствие в социально-культурной среде конфликта между поколениями может стать одним из решающих факторов, влияющих на формирование новых этнокультурных типов личностей. Такая тенденция есть, и она была отмечена еще М. Мид. Эта исследовательница отмечала, что целью таких конфликтов может быть или желание отделиться от «предков», или же борьба за власть и ее символы. Но первоначально конфликт может быть результатом какого-либо серьезного изменения общества. «Будучи один раз включенными в культуру и принятыми за неизбежность, конфликты такого рода становятся частью постфигуративных культур».

Иначе говоря, конфликты между поколениями могут стать частью традиционной культуры, а это чрезвычайно усиливает их воздействие на формирование личности.

Общества конфигуративного типа иногда подразделяются на резко различающиеся возрастные группы. В них школа становится объектом ненависти. Молодежь восстает против авторитетов, причем такое бунтарство может институционализироваться. И опять здесь мы видим культурную предпосылку возникновения новых социальных типов людей, а именно – бунтарей. В новых условиях воспитателями новых поколений в основном становятся сверстники.

Сила конфигурации особенно эффективна в тех полиэтнических обществах, куда прибывают все новые иммигранты из различных стран. Эта постоянная «мультиэтническая иммиграция» приводит к тому, что родители полностью теряют контроль над своими детьми (как это наблюдается в США): дети становятся «экспертами» нового образа жизни. Родители даже не знают, каким воздействиям подвергаются их дети в школах и среди сверстников. Воздействие родителей нейтрализуется также из-за мощного влияния СМИ, проповедующих молодежную культуру. Вовлечение во все новые социальные группы, идеи о вечных изменениях и прогрессе и т. п., тоже подтачивают власть и влияние родителей.

В. Префигуративная культура.

М. Мид предположила, что в наши дни рождается новая культурная форма, которую она назвала «префигуративной». Дети стоят перед неизвестным будущим, и ими нельзя управлять с помощью конфигуративной, с еще сильными постфигуративными, традиционными элементами, культуры, контролируемой взрослыми. Новые научно-технические достижения привели к «...резкому необратимому разрыву между поколениями». Сейчас молодые, отвечая на утверждения старших об их опыте жизни, говорят им: «Ты никогда не был молодым в мире, где я молод, и никогда им не будешь». Ценности старшего поколения лишь частично отвечают потребностям молодых. Надежда, что молодые со временем станут такими же, как они сами (теперешние взрослые), не оправдывается. Дети становятся чужими для родителей, они образуют молодежные банды, которых следует бояться (это так называемое «общество угла улицы»), как народ боится передовых отрядов вторгшейся вражеской армии. Для своего утешения старшие пользуются разными оправданиями, жалуются на времена и нравы, на телевидение, выражают надежду на то, что незрелость молодых со време-

нем пройдет, и т. п. Но благодаря электронным средствам связи молодые люди, живущие в разных странах мира, устанавливают друг с другом связи, обмениваются знаниями; о многих явлениях они действительно знают значительно больше, чем старшие. Разрыв между поколениями еще больше увеличивается. Появляются контуры «префигуративной культуры будущего», но будущее в целом неизвестно. А если это так, то проблемы воспитания новых поколений становятся чрезвычайно трудными. Старшим не удастся формировать из молодых желательные типы личностей. Однако следует учесть, что наблюдаются также случаи регрессии к культуре и ценностям прошлого, в том числе среди молодежи этнических меньшинств. Часто такой возврат к прошлому осуществляется с помощью религии. Светская национальная идеология была бы в этом деле более эффективным орудием.

§ 13. Культурогенез, ноогенез и этногенез

Генезис и развитие этноса и его психического склада неразрывно связаны с возникновением и развитием его культуры: этногенез и культурогенез – тесно переплетенные процессы, аспекты единого процесса этнокультурогенеза. Однако их различие все же, иногда удается отметить. Так, Л. Н. Гумилев писал об этом следующее: «...культурогенез всегда отстает по времени от этногенеза, что делает возможным передачу эстафеты новому этносу. Но последний усваивает свое наследие лишь настолько, насколько оно ему подходит; многое остается утраченным и вскрывается только науками – археологией и филологией».

Однако нередко мы видим, что именно создание или заимствование культурных ценностей, т. е. «чисто» культурогенетические процессы способствуют дальнейшему развитию этноса. Приведем пример создания календарей, которые, оказывается, стимулировали процессы этногенеза.

Создание календарей – социокультурный процесс, частый случай культурогенеза. Как отмечает Л. Н. Гумилев, тема календаря относится к той грани культурогенеза, «которая тесно смыкается с этногенезом».

Эту проблему желательно было бы исследовать при создании этнопсихологии каждого народа. Важно учесть, что, когда этнос создает государство, т. е. переходит на уровень развития нации, возникает необходимость создания календарей. Одновременно с этим создаются религия, мораль, законы, системы воспитания молодого поколения, военная организация.

Вместе с тем, создание календаря является одним из процессов нормогенеза. Этнос при этом получает новую группу норм, которым должны подчинить свое поведение его члены. Как процесс нормогенеза создание календарей и других продуктов культуры, регулирующих взаимоотношения людей внутри этноса и их деятельность, является одним из механизмов этногенеза и перехода этнической общности на уровень нации. Если исходить из этого критерия, то будет нетрудно увидеть, что некоторые этносы еще до начала нашего летоисчисления, тем более в средние века, уже были нациями. Правда, всего один критерий недостаточен для квалификации этноса в качестве нации. При конкретизации для отдельных народов следует брать систему критериев, которым должна отвечать этническая группа для того, чтобы быть нацией.

Можно сказать, что многие элементы и блоки культуры являются механизмом этногенеза. Таким механизмом является, например, алфавит, который позволяет создать письменную культуру народа и способствует его переходу на более высокий уровень развития. Создатели национальных алфавитов являются величайшими деятелями национальной культуры и создателями самой нации.

§ 14. Природа человека и сближение этнических групп

А. О природе человека.

Психофизиологическая структура личности очень сложна. Эта сложность отражена в современных теориях личности, в представлениях о структуре интеллекта, защитных механизмах и других аспектах личности.

Все же, когда мы говорим о природе человека, обычно имеем в виду следующие три основных фактора или детерминанты: 1) биологическую и психологическую наследственность; 2) культуру, в которую входят язык, литература, история и другие науки, искусство, быт, традиции и т. п.; 3) те группы, внутри- и межгрупповые отношения, в системе которых формируется каждая личность.

Этнические группы могут различаться и реально различаются по каждому из этих факторов. Следовательно, если мы хотим знать психологические различия этнических групп и их представителей, то должны обнаружить различия по каждому из этих комплексных факторов. Они, эти различия, приводят к различиям адаптивных механизмов и стратегий индивидов и групп, а отсюда – к различиям их психического склада.

Например, семьи существуют во всех этнических обществах, но они различны и по типу (ядерная, расширенная, патриархальная и т. п.), и по традициям, и по ролям их членов, и по методам и целям воспитания детей. Поэтому нет сомнения, что формирующиеся в них личности и по типу своему, и по стилю поведения, одинаковыми быть не могут.

Исходя из этих принципов рассмотрим ряд вопросов, касающихся возможности сближения этнических групп.

Б. Основы сближения.

Из этнологии и этнопсихологии мы уже знаем, что с первого же контакта между этническими группами у них появляется взаимная неприязнь, начинают формироваться стереотипы (в основном отрицательные) и т. п., вследствие чего они стремятся сохранить между собой психологическую и физическую дистанцию.

Но в последующем, если между ними сохраняются пути коммуникации, может начаться определенное сближение, даже взаимная идентификация. Это явление истолковывается в том смысле, что все люди в основном одинаковы, в то время как их различия поверхностны. Как указал антрополог Ф. Боас, представители всех рас могут вступать друг с другом в брак и иметь детей; в основном одинаковы происходящие в их организмах физиологические и биохимические процессы. Одинаковы реакции людей на воздействие фрустраторов и опасностей, а также на успех. Нет ни одной человеческой группы, которая не создала бы язык. Все умеют логически мыслить и решать задачи и т. п. Поэтому значительная часть исследователей считает, что люди различаются в основном по своей культуре, а под внешним слоем этнической культуры у людей скрывается их общечеловеческая, биологическая природа.

У представителей всех этнических групп мы видели одинаковые чувства: материнскую любовь, гордость мужчин за свои успехи, чувство вины, которое переживают братья, борющиеся друг с другом из-за одинаковых ценностей, и т. п. Существуют общечеловеческие чувства, которые, однако, замаскированы различными, порой странными обычаями.

Ч. Кули, обобщив эту точку зрения, идущую еще от Адама Смита, и обсуждая такие чувства, как любовь, ненависть, ревность, почитание героев, гнев, уважение и другие, связывает их с одной из основных человеческих способностей – способностью в своем воображении представить себя в роли и на месте другого. Такая способность позволяет человеку предвидеть возможные ответы других людей. Без мысленного принятия роли другого невозможно сопереживать с ним.

Сходство чувств и переживаний людей еще А. Шанд объяснил тем, что все они живут и формируются в первичных микрогруппах, в сфере интимных взаимоотношений: в семье, группах сверстников, трудовых коллективах и т. п. Везде очень сходны интерес к людям, половое влечение, черты характера, формы соперничества, конфликтов и сотрудничества, агрессия и способы ее подавления и т. п. Везде мы видим отношения типа руководитель – подчиненный, необходимость понимания роли другого и т. п. По мнению Ч. Кули, природа человека не биологическая и не культурная: она является результатом межличностных отношений. Эта точка зрения в дальнейшем была расширена и представлена в социальной психологии главным образом в школе интеракционизма.

Но поскольку одни и те же чувства выражаются по-разному, не всегда легко видеть, что они одинаковы. Так, социальные психологи заметили, что если богатые люди в США склонны демонстрировать себя и свое богатство, то на Востоке богатый и известный человек склонен уединиться и только воображать, что люди восхищаются им.

В. Чувства и преодоление этноцентризма.

Общность основных чувств, эмоций и способности к сопереживанию – та основа, которая позволяет представителям различных этнических групп понимать друг друга. Восприятие чувств другого и сопереживание – первый шаг к преодолению этноцентризма, выходу из его рамок. Только в том случае, когда мы считаем другого полноценным человеком и понимаем его переживания, мы приобретаем способность правильно истолковать его внешне странное поведение. Когда мы знаем переживания человека, его поведение становится понятным и предвидимым. Именно эта способность, а также наличие описанных выше сходств позволяют нам понимать художественную литературу, искусство, историю, всю культуру других народов, их повседневную жизнь и устремления. Чувство сходства, положительная психическая идентификация и надстраивающаяся над ними модель – основы человечности. Если их нет, человек может быть злым и агрессивным, не способным к сопереживанию. Именно поэтому отношение к своему и другим этносам различно.

Сближение с другим этносом возможно в той мере, в какой его представители считаются такими же людьми, как и члены своей этнической группы.

Между тем у многих этносов это различие отношений очень велико. Соответствующие примеры во множестве можно найти в работах этнологов. Так, один из исследователей тибетцев, Эквал, сообщает, что у них разграбление иностранцев не считается поступком, достойным похвалы, но прощается, в то время как разграбление другого тибетца считается преступлением. Мера же наказания зависит от социального статуса пострадавшего.

Когда нет позитивной психологической идентификации с членами других этнических групп, то их считают лишенными человеческих качеств – вещью, животным. Так поступали колонизаторы, немецкие фашисты – с евреями и славянами, турки – с представителями христианских народов.

С этих позиций следует рассматривать феномен рабства. Мы считаем, что те страны и этносы, которые создавали рабовладельческие государства (Рим, Византийская империя, Османская империя и другие), имели (пусть лишь в те времена) низкий уровень морального развития, слабую способность к сопереживанию, слабость эмпатии и склонность к насилию вплоть до уровня садизма. По способности создания империй с применением насильственных методов между этносами существуют значительные различия.

§ 15. Этнозащитная роль культуры

А. Этносы защищаются с помощью культуры.

В другой книге мы уже показали, что как культура в целом, так и ее отдельные блоки имеют психозащитную функцию и нередко называются этнозащитными механизмами, хотя правильнее было бы говорить, что культура является этнозащитным комплексом.

Каждый этнос в процессе своего развития создает свою самобытную культуру, которая становится его комплексным этническим признаком. Более того, мы считаем, что после своего возникновения и превращения в систему культура начинает выполнять целый ряд функций в жизни этносов: 1) функцию этнозащиты: как мы уже сказали, этническую культуру можно считать комплексным этнозащитным механизмом, который имеет тенденцию самосохранения даже в новых и сильно измененных социально-этнических условиях; сохраняясь, культура сохраняет этнос, его самобытность; 2) особенно важную защитную функцию выполняет словесная культура этноса, причем культура (ее определенная часть) не только выражается через язык, но и создается с помощью языка. В частности, язык позволяет осуществлять целый ряд защитных функций с помощью рационализаций и других механизмов. Ряд защитных механизмов имеет речевой характер, как рационализация или значительная часть случаев атрибуций; 3) культура сама в определенной мере становится механизмом этногенеза. Это выражается в том, что этническая социализация новых поколений этноса осуществляется с помощью культуры. Культура сохраняет, воспроизводит и развивает этнос и его самосознание. Достаточно вспомнить роль исторических и художественных произведений в сохранении и развитии национального самосознания и «национального духа» народа.

Те исследователи и политики, которые считают «естественную» ассимиляцию положительным явлением, должны иметь в виду, что она происходит за счет потери ассимилирующимся этносом своей культуры. А культура каждого этноса – ценность для мировой цивилизации. Редко бывает, чтобы доминирующий этнос, ассимилировав в своей среде другой этнос, заимствовал более или менее заметную часть его культуры. Во-первых, язык исчезающего этноса никогда в целом не заимствуется доминирующим этносом. Присваивается лишь определенная часть его словарного запаса. Так, турки, уничтожив в Малой Азии армян и греков, заимствовали у них несколько сот слов, часть музыки, бытовой культуры и все это отуречили. Язык в целом, со своей синтаксической структурой, никогда не остается в роли живого языка после смерти самого этноса. Во-вторых, те элементы культур подчиненных этносов, которые не заимствуются доминирующим этносом, обычно уничтожаются. И в этом случае убедительный пример такого варварства нам предоставляют турки, которые уничтожили значительную часть культуры исконных народов тех земель, которые захватывали в течение веков. До сих пор это варварство продолжается. Так, в последние годы XX века азербайджанцы активно уничтожают культурные памятники армянского народа в древнейшем очаге культуры нашего народа – в Нахичеванской области, которую турки и большевики в результате преступного сговора включили в состав Азербайджана. Но есть и другие примеры: англичане, завоевав Америку, полностью уничтожили не только аборигенов, но и их культуру. Остались только небольшие остатки этих народов и их культуры, которые не играют никакой роли в американском обществе.

Примеров того, как ассимиляция происходит за счет потери национальной культуры, очень много. Приведем еще один пример из книги известных этнологов: «На юге Сибири в предгорьях Саян небольшие самодийские народы – моторы (койбалы), камасинцы и отчасти карагасы в XVII–XIX вв. в культурном и языковом отношении слились с соседними тюркоязычными этносами и вошли в дальнейшем в состав хакасов – основного населения Хакаской автономной области Красноярского края».

Эти народности умерли, хотя и не в биологическом смысле: в этническом и психологическом смысле они исчезли с лица Земли.

Б. Выражение психической этнозащиты в культуре.

Есть факты, свидетельствующие о том, что психический склад и устойчивые формы (стратегии) психической защиты выражаются в культуре народа, в том числе материальной. Это важно знать, поскольку во многих случаях только психологический анализ культуры позволяет восстановить психический склад народов, живших в древности.

Рассмотрим данный вопрос на одном примере. У адыгов (Северный Кавказ) в населенных пунктах роды старались держаться вместе и семьи строили свои дома близко друг от друга. Но вот что интересно: между дворами домов адыги строили и сейчас строят перелазы, которые позволяют, не выходя на улицу, быстро попасть из одного дома в другой. Этот способ использовали чеченцы во время войн 90-х годов против федеральных войск России.

Исторически данный способ коммуникации между домами родственников возник для быстрой и эффективной организации обороны против внезапно нападавших внешних врагов.

Но для этнопсихолога представляет не меньшую важность вопрос: каким образом объясняют адыги предназначение этих перелазов. И вот на вопрос этнолога о том, для чего строят такие перелазы, адыги отвечают: «Чтобы в случае несчастья в доме родственника скорее попасть к нему в дом и оказать необходимую помощь и, наоборот, в случае радости первыми порадоваться».

Такое объяснение безусловно содержит в себе рационализацию, хотя и не полностью сводится к ней. Кроме того, вряд ли все адыги, ответившие таким образом, не знают основную функцию перелазов. Перед чужаком они подчеркивают те функции этих строений, которые вызывают благоприятное представление о них как о миролюбивых и гуманных людях.

Сходные явления наблюдаются и у других народов. Р. Ф. Итс описывает планировку поселений горного народа мяо, живущего в предгорьях Тибета. «Мяоская деревня имеет центральную улицу, выходящую зигзагом, от которой расходятся маленькие переулки. В каждом переулке стоят дома нескольких семей. Дома связаны между собой тропами. Как только пришелец проходит ворота деревни, перед его глазами встает масса закоулков и переулков, и он не сразу определит, куда пойти. Проходя центральной улицей, можно подумать, что в деревне нет жителей, так как мяо предпочитают ходить по тропам между домами, не появляясь на улице. Подобное расположение домов в селении создавало удобную оборону в пору военных столкновений».

Можно считать, что в подобных случаях особенности комплексной этнической самозащиты выражаются в культуре построения домов, их групп и целых поселений. Ясно, что такое понимание позволяет идти в обратном направлении – от материальной культуры к пониманию психического склада народов.

§ 16. Инцест, этнозащита, характер

Рассмотрим еще один пример того, как определенный элемент культуры играет этнозащитную роль. Речь идет о запрете инцеста, табу на половые отношения кровных родственников. Хотя это табу является общечеловеческим, все же имеются этнические различия по уровню его строгости и по санкциям, которые применяются к нарушителям.

Итак, мы считаем, что запрет инцеста, помимо того, что предохраняет этнос от наследственных заболеваний, играет роль мощного этнозащитного механизма. Нарушение или ослабление этого механизма чревато серьезными отрицательными последствиями для этноса. Последствия ослабления данного механизма видны у маленьких этносов, в которых заключаются браки между близкими родственниками. Когда небольшой этнос, по религиозным или другим соображениям, стремится сохранить эндогамию, кровосмесительные браки становятся в определенной мере неизбежными.

Геноцид определенного этноса представляет опасность для него не только потому, что часть народа уничтожается, но еще и потому, что оставшаяся часть этноса, стремясь сохранить себя как самобытный этнос, допускает брак сначала между далекими родственниками, а затем и между более близкими, вследствие чего дегенерирует. Это является следствием ослабления запрета инцеста, т. е. важного этнозащитного механизма.

Отсюда ясно, что запрет инцеста возник не только потому, что он предупреждает биологическую дегенерацию этноса: этот запрет защищает целостность и психическое здоровье этноса, является специфическим этнозащитным механизмом.

Чтобы обнаружить этнические различия этого механизма, следует исследовать его корни, генезис у разных этносов с древнейших времен до наших дней. Известно, что этнологи накопили об этом достаточно богатый материал, который подлежит психологическому исследованию.

Интересно исследовать также роль религии в возникновении запрета инцеста: известно, что до появления христианства и ислама инцест был широко распространен. Христианство запрещает инцест и, в этом смысле, играет этнозащитную роль.

Еще раз отметим, что здесь мы затронули данную проблему лишь в порядке постановки вопроса и с тем, чтобы еще яснее стала этнозащитная роль различных аспектов культуры в жизни народа. Подробное же рассмотрение инцеста, его запрета в качестве этнозащитного механизма и другие аспекты этого явления – предмет другого исследования.

§ 17. Разные нации – сходные культуры

А. Есть ли разные нации с одинаковой культурой?

В целом закономерность такова, что каждая нация имеет свою во многом специфическую культуру. Однако между культурами разных народов есть сходство, причем уровень сходства в некоторых случаях такой, что дает повод ряду авторов для утверждения, что разные народы могут иметь одинаковую культуру. Так, по мнению голландских этнопсихологов Дуйкера и Фрийды, ряд этносов Скандинавского полуострова имеют одинаковую культуру. Они утверждают и обратное: в составе одной нации могут быть разные народы, у которых разные культуры. В качестве примера приводится Индонезия. Это очевидно: в полиэтнических государствах положение вещей именно такое. Исходя из таких фактов эти авторы предлагают перенести понятие «нация» на понятие «культура».

Но мы полагаем, что такой подход некорректен. Авторы забывают, что, например, язык является одной из характерных «черт» нации, поэтому в Индонезии нет единой нации: в этой стране живет ряд этнических групп, говорящих на разных языках и, следовательно, имеющих различные культуры. Неправильно также обратное утверждение: хотя скандинавские нации имеют во многом сходные культуры, последние не тождественны хотя бы по той причине, что эти этносы говорят на разных языках. Понятно, что мы считаем язык одним из главных признаков нации: мы не можем считать группу говорящих на разных языках этносов одной нацией.

Однако нельзя не заметить, что суждения этих авторов возникли не на пустом месте: они имеют в виду ряд политических проблем. Было бы спорным даже утверждение, что все евреи мира или все армяне мира составляют одну нацию. Даже отдельные части (подгруппы) одной нации имеют в разной степени различающиеся культуры.

Вполне прав также С. И. Королев, по мнению которого спорно говорить о единой культуре скандинавских народов. Эти нации имеют каждая свой язык, психологические различия, свои традиции и т. п., которые не идентичны. Вот почему заменять понятие «национальный характер» термином «культурный характер» не имеет смысла. Это различные явления. Этнический характер отражает культуру этноса, но не исчерпывается этим. Проблема вза-

имодействия культуры этноса и его характера намного сложнее, чем представляли и представляют себе многие антропологи и этнологи.

Сходство культур и соседство народов все же способствуют усилению сходства характеров и поведения. Эти явления следует исследовать в первую очередь в полиэтнических обществах (империях), но также у соседних национальных государств.

Б. Тесное общение – источник конфликтов.

Здесь, в связи с рассмотрением проблемы «культура-этнический характер», мы желаем обсудить еще одну, практически очень важную проблему. Мы полагаем, что предлагаемые ниже идеи составляют новую концепцию.

В качестве исходного мы берем тот факт, что во время и после развала СССР и Югославии между их народами возникли острые конфликты. В чем причины возникновения этих конфликтов между «братскими народами»?

Во-первых, часть этих конфликтов можно считать (подобная точка зрения уже высказана многими) актуализациями прежних конфликтов, которые не были решены, но были подавлены и вытеснены властями: было запрещено даже говорить о них.

Но, во-вторых, есть другая группа конфликтов, которые этим механизмом объяснить невозможно. Не представляется возможным объяснить также уровень остроты, интенсивности конфликтов как первой, так и второй групп. Они порой так интенсивны, что лишь столкновением интересов это объяснить невозможно.

Мы предлагаем следующую гипотезу: насильственное сближение этносов, очень различных по своей культуре и этническому психическому складу, приводит к усилению их взаимной агрессивности и ослаблению взаимной эмпатии. Эти процессы особенно четко видны во взаимоотношениях этносов с неравными статусами, но также в «горизонтальном направлении». В первом случае названные процессы особенно остры в тех случаях, когда господствующий этнос действует авторитарно. При преобладании в обществе авторитаризма обостряются конфликты как в вертикальном, так и в горизонтальном направлениях.

Иногда наивно полагают, будто тесное общение между очень различными этносами приводит к их дружбе. Но правильнее сказать, что для сохранения дружбы вредно общаться очень часто и интенсивно: дело в том, что в результате тесного общения стороны обнаруживают друг у друга не только положительные с их точки зрения, но и отрицательные черты и намерения, не только сходство, но и различия. Кстати, люди нередко ненавидят друг друга именно из-за своего сходства, а не различий. Этим обусловлено то, что время от времени внутриэтническая агрессия становится крайне интенсивной, намного превосходя межэтническую агрессию. Тесные контакты вызывают неприязнь, конфликты, стремление властвовать друг над другом, желание дискредитировать друг друга. Если речь идет об этносах, ни один из которых не желает ассимилироваться в среде другого, агрессия может интенсифицироваться и стать разрушительной и перманентной.

§ 18. Традиции, этнический характер и поведение

В жизни каждого человека встречаются прошлое и настоящее, традиционная культура и требования новейших времен. Этническая память в значительной мере состоит из традиций, поэтому мы должны хотя бы вкратце рассмотреть вопрос о том, что такое традиция, как она влияет на личность и ее поведение. Исследование традиций совершенно необходимо для развития как социальной, так и этнической психологии.

А. Традиция и ее структура.

Традиция – это средство накопления, сохранения, передачи и воспроизводства социального и этнического опыта людей. Она способствует созданию устойчивых отношений между людьми и социальными группами. Традиции позволяют передать социальный опыт

от одного поколения к другому, от одной группы – другой, от группы – индивиду. Традициями (или традиционными) являются определенные семейные отношения, способы общения людей, виды и стиль правления в государстве и государством; традициями могут быть знания, религии, ритуалы, различные учения и т. п.

В структуре традиции выделяют три стороны:

1) Познавательный (когнитивный) аспект традиции включает определенные формы, способы и стиль мышления, способы отражения окружающего мира. Например, традиция требует во время похорон не радоваться, даже если умерший – наш враг. Под этим традиционным ожиданием (требованием) и соответствующим поведением лежит представление о том, что смерть человека – трагическое явление, тяжелая утрата для близких покойного. Можно сказать, что основой (ядром) традиции является именно данный познавательный аспект. (Это сходно с социальной установкой, поэтому мы считаем, что при исследовании социальных и этнических традиций социальная психология установок может иметь широкое применение.)

2) Второй составной частью традиции является ее эмоциональный блок. Эмоции в составе традиции возникают вследствие того, что любой познавательный акт человека сопровождается оценкой отражаемого явления, а в психике человека оценки выражаются в виде эмоций и чувств. Например, грусть во время похорон, радость при встрече с близким человеком после долгой разлуки, радостная улыбка при приветствии и т. п. – важные компоненты традиций, когда последние получают конкретное выражение в поведении индивидов и групп.

3) Наконец, каждая традиция имеет свой практический, поведенческий аспект: это способы деятельности, программа таких действий, которые сохраняются в памяти индивидов, социальных групп и этносов. Это устойчивые цепи действий, переходящие от поколения к поколению. Данная практическая сторона традиций передается в виде ритуалов и обычаев. Например, традицией принято, что знакомые при встрече здороваются кивком головы или с помощью рукопожатия. Это обычаи, простейшие ритуалы. Подобные действия, как и многие другие, входящие в состав других традиций, нередко становятся символическими. Многие традиционные действия являются символическими.

Традиции возникают вследствие многократного повторения определенных действий, исходящих из определенных познаний и чувств. Но для этого совершаемые действия должны быть полезными и адаптивными для тех, кто их выполняет. Иначе говоря, они должны многократно и положительно подкрепляться.

О поведенческих аспектах традиций приведем следующий отрывок из произведения И. Эренбурга: «Европейцы, здороваясь, протягивают руку, а китаец, японец или индеец вынуждены пожимать конечность чужого человека. Если бы приезжий совал парижанам босую ногу, вряд ли это вызвало бы восторг. Англичанин, возмущенный проделками своего конкурента, пишет ему: „Дорогой сэра, вы мошенник“, без „дорогого сэра“ он не может начать письмо. Христиане, входя в церковь, костел или кирху, снимают головные уборы, а еврей, входя в синагогу, покрывает голову. В католических странах женщины не должны входить в храм с непокрытой головой. В Европе цвет траура черный, в Китае – белый. Когда китаец видит впервые, как европеец или американец идет под руку с женщиной, порой даже целует ее, это кажется ему чрезмерно стыдным. Если к европейцу приходит гость и восхищается картиной на стене, вазой или другой безделушкой, то хозяин доволен. Если европеец начинает восторгаться вещицей в доме китайца, хозяин дарит ему этот предмет – того требует вежливость. Меня мать учила, что в гостях нельзя оставлять в тарелке. В Китае к чашке сухого риса, которую подают к концу обеда, никто не притрагивается – нужно показать, что ты сыт. Мир многообразен... если есть чужие монастыри, то, следовательно, есть и чужие уставы».

Б. Почему возникают этнические традиции?

Этнические традиции, как особая группа социальных традиций, имеют такую же структуру и возникают согласно тем же психологическим закономерностям, что и социальные традиции. Различие может выражаться только в следующих аспектах: 1) этнические традиции обычно существуют дольше, чем многие социальные традиции; 2) они более важны для этноса, поскольку выполняют ряд функций, в том числе защитно-адаптивную. Когда у этноса имеется устойчивая традиция, покрывающая определенные сегменты его жизнедеятельности, то данные сегменты долгое время могут быть защищены от чужих влияний. Как цельная этнопсихологическая система, локализованная в психике индивидов и групп, традиция оказывает сопротивление тем внешним влияниям, которые могут разрушить ее.

Когда речь идет об этнических традициях, мы можем предложить ряд вопросов, которые требуют исследования: а) почему одни формы поведения и человеческих взаимоотношений закрепляются в культуре и становятся традиционными, а другие отбрасываются? б) в какой мере выбор и сохранение одних традиций и отказ от других зависят от психического склада нации? в) в какой мере традиции не только выражают психический склад и характер нации, но и формируют их, тем самым способствуя нациогенезу?

Эти вопросы показывают, что исследование традиций – один из главных путей развития как общей этнопсихологии, так и ее специальных разделов, посвященных описанию психологии отдельных этносов.

В. Этнозащитная функция традиции.

Поскольку традиция имеет сходную с социальной установкой структуру, по аналогии можно предположить, что, как и установка, традиция тоже играет в жизни групп и этносов, наряду с другими, также защитную роль. Поскольку это сложное образование, то мы считаем, что каждая традиция является защитно-адаптивным комплексом для этноса.

Какие защитные механизмы входят в состав традиции? Поскольку каждая традиция имеет когнитивный блок, можно предположить, что в него входят не только результаты объективного познания предмета традиции, но и различные рационализации и интеллектуализации. Ведь создавая традиции, люди стремились не только объективно описывать явления, но и давать им объяснения.

Поскольку часть практических действий из соответствующего блока традиции (обычай, ритуалы и т. п.) становятся символами, то мы считаем, что в процессе воспроизведения и практического использования традиций должны наблюдаться процессы символической самозащиты этноса. Есть случаи, когда защитная роль обычаев сразу бросается в глаза и даже осознается. Например, у некоторых народов принято, рассказывая о своих успехах, сразу же совершать ряд защитных действий или (и) произносить защитные слова: стучать по столу, говорить: «Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить» и т. п.

В когнитивном блоке традиции могут быть различные проекции, атрибуции и другие механизмы (и результаты работы защитных механизмов), о защитных функциях которых мы уже знаем. Что же касается тех чувств, которые закреплены в традициях и воспроизводятся вместе с их актуализацией, то некоторые из них могут иметь защитные функции. Например, та же традиция подавления радости или веселого настроения при похоронах врага тоже играет защитную роль: изображается грусть или даже траурное настроение, человек становится более приемлемым в социальной среде, его считают культурным и сочувствующим человеком. Тем самым он защищает свой социальный я-образ.

Г. Традиции как регуляторы социальных процессов.

Взаимоотношения людей и социальные процессы регулируются с помощью общественного мнения, социальных норм и традиций. Все названные явления – внешние регуляторы социального поведения человека. При регуляции социального поведения индивидов и

групп названные три блока регуляторов действуют совместно и детерминируют активность индивидов и групп.

Так, когда поведение человека определяется и регулируется какой-либо традицией, в эту игру может включаться общественное мнение, которое может защищать эту традицию или выступить против нее, считая ее устаревшей. Например, во многих странах традицией является организация свадьбы с приглашением многих десятков и даже сотен гостей. Но когда в наши дни происходит подобное событие, часть людей сразу же начинает критиковать его организаторов. Это уже общественное мнение, которое может оказать заметное влияние на поведение людей. Так, если в стране царят бедность и разруха, то организация пышных свадеб может осуждаться.

Само общественное мнение может стать традицией, если вновь и вновь повторяется и воспроизводится в виде определенных речевых и двигательных действий. Связь традиций и общественного мнения взаимная.

Следует также иметь в виду, что при расширении тех сфер социальной жизни, которые регулируются законами, регулирующая роль традиции и общественного мнения уменьшается. Это явление чревато различными последствиями. Так, имея в виду все то, что сказано нами о влиянии традиций на этнический характер, следует ожидать, что создание новых законов, заимствованных у других цивилизаций, приведет к утрате некоторых традиций и соответствующих черт и комплексов характера. Более того, может наблюдаться ослабление этнозащитных механизмов нации. Поэтому вполне правы те, кто в наши дни от создателей все новых законов демократического общества требуют, чтобы эти законы хотя бы учитывали национальные особенности того этноса, для которого они создаются. Создателям законов (или тем, кто их заимствует) следует учесть: а) традиции этноса; б) национальный характер; в) общественное мнение, т. е. все то, что регулировалось (поведение, формы взаимоотношений и т. п.) этими социально-психологическими и этнопсихологическими образованиями.

Д. Традиция или стиль?

Некоторые этнологи пытаются пересмотреть проблему традиций, считая, что этим термином до сих пор обозначали нечто консервативное и неизменное. Считалось, будто они неизменно передаются от одного поколения другому. Вследствие такого подхода, считает, например, А. Ройс, многие ситуации жизни оставались вне рассмотрения. Поэтому она предлагает вместо термина «традиция» использовать другой, более динамичный термин «стиль». Считается, что нет неизменных индивидов, членов этноса, всегда верных своей группе и ее культуре. Надо поэтому исследовать не столько равновесное состояние этноса, сколько его динамические процессы.

Стиль, согласно А. Ройс, это комплекс символов, форм и ценностных ориентаций, который выражает как явные культурные содержания, так и подспудные субъективные ценности и стандарты, которыми оценивается поведение. Индивиды имеют свободу выбора своего стиля этнического поведения. В каждой этнической среде должны существовать варианты стилей и возможность их выбора, если даже индивид их не выбирает.

Однако замена слова «традиция» словом «стиль» не означает, как думают некоторые исследователи, будто в определении этничности и этнической идентичности можно довольствоваться лишь субъективными критериями, а именно – самоприписыванием. Реалистическое комплексное определение этнической группы включает как объективные, так и субъективные критерии.

Е. Традиция и этнический характер.

Какое влияние оказывают традиции на структуру характера этноса? Те традиции, которые содержат в себе потенциал воспитания положительных черт и комплексов характера у индивидов и групп, должны использоваться агентами социализации (родителями, учителями,

лями, референтными группами) последовательно и целенаправленно. Традиции являются важными средствами социализации новых поколений, а их агентами выступают различные авторитеты.

Традиции формируют национальный дух, характер и национальный стиль мышления, мировосприятия и поведения. Содержа в себе потенциальные черты и комплексы национального характера, традиции в процессе своего воспроизведения и использования становятся средством формирования этнического характера индивидов и групп. В этом смысле каждая традиция служит самосохранению и самовоспроизведению этноса, и мы считаем возможным назвать ее защитно-адаптивным комплексом. Каждая традиция потенциально соответствует определенной подструктуре характера индивидов и этноса в целом (его «базисной» или «модальной» личности, о которой речь пойдет в следующей главе). Традиция, как объективированный адаптивный комплекс, создает в психике людей подструктуру характера. Для этого, конечно, необходимы процессы социализации и интернализации.

В тех случаях, когда этнос заимствует какую-либо традицию, у него и его этнофоров могут формироваться новые черты и комплексы характера, более или менее совместимые с другими компонентами этнической культуры. Например, новые религиозные традиции могут стать механизмами формирования таких комплексов характера, как, например, альтруизм, раболепие или, наоборот, независимость и гордость, фатализм и другие комплексы характеров. Здесь намечается очень нужное и интересное направление новых исследований.

В тех случаях, когда в обществе создаются совершенно новые сферы деятельности, для регуляции которых нет традиций, создание законов необходимо. Но очень важно, чтобы сами законы и практика их применения, если они полезны, стали традиционными.

§ 19. Проксемия и проблема типологии этнических культур

В данной книге мы уже видели, что национальные особенности психического склада выражаются не только явно и осознанно, но и подсознательно. Причина в том, что глубинные слои этнической психики не просто подсознательны, но и невербализованы. Поэтому они или вообще не выражаются каким-либо способом, либо выражаются в различных формах невербального поведения людей, в сновидениях и в ряде других подсознательных процессов.

Вот почему в рамках этнопсихологии нам следует исследовать явления, которые в социальной психологии объединены под названием проксемия или проксемическое, пространственное поведение. Учет проксемических явлений может способствовать развитию очень интересных и новых аспектов этнопсихологии, тем более, что в деле исследования проксемии уже получены очень интересные и поучительные результаты.

А. Проксемия: примеры из жизни.

Проксемия – тот аспект неречевой коммуникации людей, который касается пространственных особенностей общения. Наблюдения, проведенные в различных естественных ситуациях жизни, позволили раскрыть удивительно строгие, хотя и неосознаваемые или лишь частично осознаваемые правила и социальные конвенции, которые касаются использования личного пространства людей. Но прежде чем описать установленные правила, полезно привести примеры, показывающие, как тонко и автоматически регулируются пространственные отношения людей.

Когда стоя разговаривают араб и белый американец, нетрудно заметить, что араб все время приближается к американцу, а тот отступает назад. Арабу при этом может показаться, что американец не хочет с ним общаться. Ситуация может стать неприятной для обоих. Исследования показали, что в США и Северной Европе оптимальная дистанция общения лицом к лицу равна от 76 до 122 см. Даже небольшой выход из этих границ причиняет непри-

ятность и неудобство, и взаимодействующие люди пытаются восстановить конвенциональную дистанцию. В других культурах эти дистанции другие, но опять-таки довольно строго установленные традицией.

Исходя из подобных данных одни этнические культуры называют контактными, другие – неконтактными.

Б. Правила пространственного взаимодействия людей.

При общении люди могут стоять близко или далеко друг от друга, касаться руками, трогать собеседника или, наоборот, держаться холодно и сдержанно и т. п. В каждой культуре существуют установленные традицией формы общения, в частности – дистанции общения.

Как впервые показал Эдвард Холл, существуют четыре категории межличностной дистанции. В каждой этнической среде они различны и могут быть выражены в достаточно точных величинах (сантиметрах или дюймах). Э. Холл установил эти дистанции для американцев. В каждой культуре существуют ожидания того, на каком расстоянии люди должны находиться при различных видах социальных взаимодействий. Приведем данные Э. Холла.

1. Интимная дистанция. Это то расстояние, на котором общаются любовники, но не только: так же тесно общаются люди, которые дерутся или сходятся в спортивной схватке. Так же интимно общаются двое, один из которых защищает или опекает другого. Между общающимися имеют место непосредственные телесные контакты, и у них возникают интенсивные сенсорные импульсации. Индивиды могут быть так близко друг от друга, что взаимные зрительные восприятия могут искажаться; возникают также обонятельные ощущения. Партнеры ощущают работу сердца и дыхания друг друга. Иногда они разговаривают шепотом.

Эта дистанция имеет две фазы: 1) ближайшая фаза: меньше 6 дюймов (1 д 2.5 см); 2) дальняя фаза: от 6 до 18 дюймов.

2. Персональная дистанция. Это расстояние, предназначенное для близкого, но не глубоко интимного социального и рабочего общения. Индивиды имеют маленькое защитное пространство между собой и другими. Непосредственные контакты не являются неизбежными, но они относительно доступны. Легко и подробно воспринимаются лицо и тело другого. Это идеальное расстояние для того, чтобы смотреть в глаза партнера. И здесь выделяют две фазы: а) близкая фаза: от 1.5 до 2.5 футов (1 фут 30.5 см); б) дальняя фаза: от 2.5 до 4 футов.

3. Социальная дистанция. Эта дистанция предназначена для беседы с незнакомцами, новыми знакомыми и с теми коллегами по работе, с которыми имеются значительные различия по статусу. Примером могут служить отношения шефа и его секретаря. При этом телесные контакты исключены, а восприятие не такое подробное (детальное), как при предыдущей дистанции. На этом расстоянии между партнерами ведутся многие деловые и социальные обсуждения. Здесь выделяются тоже две фазы: а) близкая фаза: от 4 до 7 футов; б) дальняя фаза: от 7 до 12 футов.

4. Публичная дистанция. На этой дистанции общаются политические и общественные деятели, когда формально взаимодействуют в какой-либо группе людей. Между общающимися подчеркивается отсутствие близких отношений и даже предпринимаются меры для защиты личного пространства от нежелательных вторжений. Чтобы быть слышимыми, партнеры разговаривают громким голосом. Телесные образы почти лишены объемности. а) близкая фаза: от 12 до 20 футов; б) дальняя фаза: от 20 до 25 футов и более.

Хотя эта схема составлена для американского общества, ее можно использовать для исследования других культур и с целью их типологизации.

§ 20. Два типа культур и маргинальный статус

Есть еще одна типология культур, которая представляет интерес для социальной и этнической психологии. Различают два типа культур: высококонтактные и низкоконтактные культуры.

К высококонтактному типу принадлежат арабская, латиноамериканская и южноевропейские национальные культуры. Люди в этих этнокультурных общностях при общении подходят очень близко друг к другу, смотрят в лицо собеседнику, говорят громким голосом, во время разговора часто смотрят друг другу в глаза.

Низкоконтактными считаются североевропейские, североамериканские и южноазиатские национальные культуры. Люди в этих обществах стараются сохранить заметную дистанцию между собой и собеседником, мало трогают друг друга, избегают интенсивных зрительных контактов и разговаривают «через плечо».

Когда встречаются представители этих двух типов культур, возникают трудности и недоразумения. Типичный случай: представитель высококонтактной культуры подходит все ближе и ближе и говорит громким голосом, тогда как представитель низкоконтактной группы отступает и старается избежать попыток собеседника войти с ним в непосредственный контакт и быть объектом пристального наблюдения для него. В такой ситуации эти люди могут приписать друг другу нежелательные человеческие черты. (Еще одна сфера применения механизма атрибуции!) Для представителя малоконтактной этнической группы другой представляется слишком навязчивым, а представитель высококонтактной группы будет считать его холодным и отвергающим. Существуют, таким образом, этнические и расовые различия дистанций общения, особенностей контактов людей и т. п. Однако и в пределах одного этноса существуют такие же различия между представителями различных социальных групп, например, классами и стратами, различающимися по своему социально-экономическому статусу. Существуют также региональные различия. Поэтому по форме межличностных контактов рабочие и крестьяне разных наций ближе друг к другу, чем, например, рабочие и высший класс одного народа.

Есть различия в дистанции общения между хорошо образованными и плохо образованными людьми. Есть, по-видимому, этнокультурные различия и по тем дистанциям, которые устанавливаются между руководителями и подчиненными в различных странах и при различных стилях лидерства и т. п. Наконец, есть одна проблема, которая касается этнопсихиатрии: каковы проксемические особенности взаимодействия между врачом и пациентом и как они отражаются на процессе лечения, трансфера, внушения и т. п.?

Жители больших городов допускают между собой менее близкие дистанции, чем жители предместья и небольших населенных пунктов.

Мы считаем, что проблемы проксемии имеют непосредственное отношение и к маргинальным людям. Поэтому, обсуждая проблему маргинальных статусов в современных обществах, следует, в качестве важного аспекта, исследовать все трудности и конфликты, которые возникают из-за различий в опыте людей по типам общения.

Так, вчерашний крестьянин в большом городе, как типичный маргинальный человек, будет иметь много проблем, так как в своей деревне привык к более близким дистанциям общения, чем принято в городе. Горожан он будет считать холодными и отчужденными.

С другой стороны, типичные городские жители, особенно те, кто принадлежат к высшим слоям общества, будут считать такого маргинала грубым и бестактным человеком.

§ 21. О трудностях полиэтнических обществ

Поскольку существуют этнические и расовые различия в формах и дистанциях общения, в полиэтнических обществах возникают многие трудности и конфликты. Сближение этносов встречается с очень серьезными, нередко даже непреодолимыми трудностями. Эти трудности возникают вследствие неверной интерпретации способов вербального и невербального общения. Например, араб может остаться голодным на обеде, если ему предложить есть только один раз (а нужно, чтобы предложили не менее трех раз!).

Можно заметить, что во время международных конференций англичане и американцы группируются вместе или самоизолируются, преследуемые латиноамериканцами, которые желают установить (при беседе) обычные для себя близкие дистанции.

Африканцы стремятся положить руку на колено собеседника, что смущает представителей других культур. Такое же смущение переживают представители многих этносов, когда японцы, получая плохие новости, хихикают.

Вследствие этих и других недоразумений многие склонны считать представителя другой культуры человеком, который не сумел усвоить культурные стандарты цивилизованного общества, и, следовательно, с ним невозможно общаться. Для устранения этих трудностей предлагаются разные способы и пути. Можно, во-первых, выяснить особенности культуры другого народа и дать правильное истолкование поведению его представителей или, если нужно, приспособиться к ним. Тут есть, конечно, свои дополнительные трудности: дело в том, что многие культурные различия, в том числе проксемические, так тонки, что для их обнаружения и понимания нужно время и опыт общения. Во-вторых, при общении с представителями других культур следует быть особенно внимательными и, контролируя свои реакции, приспосабливаться к ним. Можно изучить те специфические трудности, с которыми встречаются представители культуры А с представителями культуры Б, и соответствующим образом подготовить людей для их преодоления. Например, если вы общаетесь с арабом, то сохраняя такую же близкую дистанцию, какую желает он, можете понравиться ему.

Есть одна проблема, которая находится на стыке нескольких областей психологии – психологии личности, социальной и этнической психологии. Она, насколько нам известно, пока совсем не исследована. Мы знаем, что агрессия человека возникает в самых различных ситуациях, под воздействием различных факторов. Однако пока что в области психологии агрессии не применяются концепции Эд. Холла и его последователей о закономерностях пространственного общения людей – проксемии. Известно, например, что человек приходит в агрессивное состояние, когда кто-либо нежелательный вторгается в его личное пространство. Поэтому при общении представителей культур описанных выше противоположных типов – высококонтактных и низкоконтактных – возникают фрустрации, конфликты и различные формы агрессивности. При этом общающиеся приписывают друг другу различные неприятные качества, используя или создавая на месте отрицательные гетеростереотипы.

Исследование проксемических различий народов позволит обогатить исследование межэтнических отношений и, в частности, источников конфликтов как внутри, так и между этносами. Конфликты, причинами которых являются различия в механизмах пространственного, словесного и невербального общения, могут привести к появлению устойчивой неприязни между этносами и к агрессивности.

§ 22. Последствия нарушения личного пространства

Исследователей особенно интересует вопрос о том, к каким последствиям приводит нарушение личной дистанции (пространства), которая, как показали исследования, есть

вокруг тела человека. Нарушение межличностной дистанции сигнализирует о том, что нарушитель хотел бы установить более интимные отношения с другим человеком, в личное пространство которого он вторгается. В некоторых культурах (США, Северная Европа), как мы уже видели, приемлемой дистанцией для беседы считается интервал 15–46 см. Если оба собеседника считают, что их отношения достаточно дружественны, то на таком расстоянии будут чувствовать себя нормально и могут даже уменьшить его, вплоть до легких телесных контактов.

Но когда один из партнеров думает иначе, он будет пользоваться другими средствами уменьшения уровня интимности. При этом используются такие неречевые сигналы, как обмен взглядами, выражение лица, иногда также слова. Различные способы ухода от интимности наблюдаются тогда, когда люди оказываются в составе толпы, в лифтах, вагонах метро, участвуют в митингах и собраниях.

Можно сказать, что вторжение другого человека в наше физическое и психическое (а вернее: психофизическое) пространство является разновидностью фрустрации, которая вызывает также стресс, поскольку лишает человека какой-то доли личной свободы и возможности быть самим собой. Это подсознательно оценивается как нарушение границ я-концепции личности. Вот почему ее поведение в подобной стресс-фрустрационной ситуации можно считать попыткой защитной адаптации, сопровождающейся различными эмоциями (гневом, чувством оскорбленного достоинства и т. п.) и познавательными процессами. Последние сочетаются с внутренней речью. Например, попытки ухода от «вторжения» можно считать разновидностью стратегии бегства, которая, однако, не обеспечивает полную адаптацию. Отвод взгляда от стоящего рядом и вплотную человека также можно считать способом бегства, но уже почти полностью психологического. «Замкнутое лицо», выражение безразличия или отчуждения – тоже попытка психологической самозащиты. Более грубой формой ухода является обращение спиной к нежелательному человеку, который вторгся в наше личное пространство.

Одной из самых грубых, вульгарных форм вторжения в личное пространство другого человека является нарушение той границы этого пространства, которая невидимо существует вокруг головы. Эту часть своего психофизического пространства люди защищают особенно бережно, поэтому когда в полном автобусе кто-то держится за перекладину над нашей головой, мы ощущаем сильное неудобство и стараемся уйти. Когда над нашей головой торчит какой-то предмет, мы переживаем тревогу и нередко злимся.

Интересно, что почти каждый, кто оказывался в сходных с описанными ситуациями, переживал неприятные эмоции и старался уйти. Но при этом не каждый понимает, что в подобных ситуациях сам неприятен другим. Это отсутствие некоторых чувств и аспектов самосознания является, по-видимому, выражением недостаточной социально-психологической зрелости, это признак сильного эгоцентризма, неспособности смотреть на ситуацию глазами другого человека. Способность принятия роли другого и сопереживания у разных лиц развивается в неодинаковой степени, не говоря уже о возрастных различиях. Есть, таким образом, как индивидуальные (внутри одного этноса), так и этнические различия проксемического поведения людей.

Вопросы, которые мы обсудили в последних нескольких параграфах настоящей главы, по существу, касаются более широкой темы – этнопсихологии этикета. Рассмотрим, поэтому, еще ряд аспектов данной темы.

§ 23. Этикет, межэтнические отношения и я-концепция

Этикет является частью этнической культуры и, как аспект поведения этноса, раскрывает его психический склад и природу отношений с другими этносами. Этикет включает

формы обращения людей друг к другу как внутри этносов, так и в межэтнических отношениях. В систему этикета входят различные ритуалы, социальные дистанции и способы их сохранения и другие формы и комплексы поведения.

Этикет основан на различии рангов (статусов) взаимодействующих людей. Каким образом люди обращаются к данному человеку, подходят к нему, здороваются, прощаются и т. п., зависит от его статуса. Сидим ли мы в присутствии другого или стоим, стоя на каком расстоянии от него мы с ним разговариваем и т. п. – все эти ритуальные действия имеют символическое значение. Они как бы дают человеку понять, что его статус учитывается. Соблюдение этикета – признак уважения к человеку, а нарушение символизирует наше неуважительное отношение к нему и оскорбляет его.

Этнографы исследовали этикет у разных народов. В качестве примера приведем этикет взаимоотношений белых американцев и негров.

Психологическое исследование этих ритуальных действий раскрывает много интересного во взаимных оценках, статусах, я-концепции, ролях и других аспектах психического склада и установок каждого из этих этносов. Например, встречаясь в обществе с белыми, негры не могли первыми начать разговор: они должны были ждать, пока белый не обратится к ним. Негр всегда должен был направить свой взгляд на землю и снять шапку. Были подробно разработаны также формы обращения. К неграм всегда обращались со словом «бой» (мальчик). Когда какой-либо негр добивался значительных, например, академических успехов, белые уже не могли позволить себе называть его «мальчиком», но и не могли сказать «мистер». Поэтому было принято обращаться к нему по званию: «доктор» или «профессор» и т. п.

Господин и раб никогда не обедали вместе, никогда в обществе других людей не пожимали друг другу руки, кроме исключительных случаев, когда один из них отправлялся в длительное путешествие или возвращался из путешествия. Раб (негр) никогда не входил в дом хозяина с парадной двери. Когда хозяйка и рабыня ходили в магазин, рабыня всегда шла позади хозяйки и подходила к ней только тогда, когда в этом была надобность. Встречаясь на узкой улице или дороге с белыми господами, негр должен был уйти с дороги и ждать на обочине, пока те пройдут. В настоящее время, в связи с демократизацией американского общества, значительная часть этих ритуалов, символизирующих социальное и расовое неравенство, отошла в прошлое, но ритуалы существуют везде.

Этикет необходим. Он создает возможность свободного действия в определенных условных рамках. Этикет позволяет людям с разными статусами без раскрытия своей личности и индивидуальности общаться и решать определенные задачи. Вежливый человек всегда осознает свое «я», т. е. находится на «уровне» самосознания, что позволяет ему контролировать себя и не совершать таких действий, которые могли бы раскрыть его личность, поскольку во многих случаях самораскрытие вызывает чувство стыда. Вежливый человек презентует только приемлемый в данной ситуации я-образ и все время осознает свое поведение. Это означает, что вежливый человек играет специфическую социальную роль.

Какие этнопсихологические вопросы возникают в связи с исследованием этикета, особенно в межэтнических отношениях? Можно предложить для дальнейшего исследования по крайней мере следующие проблемы: 1) исследуя этикет этнической группы в качестве системы, следует попытаться открыть ее воздействие на процесс формирования этнической психики, а также (что самое главное) на связь с психическим складом этноса; 2) путем сравнительного исследования этносов и их этикетов раскрыть их психологические различия; 3) очень интересным является следующий вопрос: если этикет, как часть культуры, является выражением психического склада, представлений, стереотипов и других содержаний культуры и психики этноса, то какое обратное влияние оказывает длительное использование этикета на этническую психику, на характер этноса; 4) следует разделить весь этикет

нации на две части: на ту, которая предназначена для внутреннего употребления, и на вторую, предназначенную для межэтнического общения. На основе этого необходимо исследовать, каким образом с помощью этикета внутреннего назначения выражается я-образ (и мы-образ) этноса и с помощью предназначенного для межэтнического общения этикета – «их-образ» – образ других этносов. Вполне понятно, что поведение этноса в этих различных аспектах регулируется различными подструктурами индивидуального и этнического (группового) самосознания. Если эта идея верна, тогда задача сводится к нахождению методов и способов декодирования того психического содержания, которое закодировано в этикете. При этом следует иметь в виду, что отношение к другим этносам связано с отношением к своему этносу, точно так же, как на индивидуальном уровне уважение (или неуважение) другого человека связано с уважением (неуважением) собственной личности. Но эта связь не является простой, и вряд ли можно утверждать, что, например, неуважение к своей личности непременно приводит к неуважению к другим людям. Связь эта намного сложнее. Например, иногда низкий уровень самоуважения может сочетаться с амбивалентным отношением к другому.

Как видно из вышесказанного, здесь перед нами широкие возможности исследования различных аспектов этнической психики. Эти возможности можно использовать при условии привлечения нового эмпирического материала, но здесь мы ограничимся вышеизложенным.

§ 24. Тело человека и этническая культура

С проблематикой проксемии тесно связана проблема культуры тела и его этнопсихологическое значение. Тема «язык тела» в настоящее время является одной из самых часто обсуждаемых в психологии, и она является также этнопсихологической темой.

Тело человека является анатомическим и физиологическим образованием, но оно одновременно глубоко социально. Тело человека своим ростом, весом, формой, цветом, насыщенностью различными химическими веществами воспроизводит всю социальную среду человека – отметил один из исследователей этого явления М. А. Декамп. Человек обладает телом, характерным для своей национальной культуры и социального класса. Тело проникнуто социальностью. С помощью тела общество выражает свои желания, идеи, фантазии, противоречия, свое коллективное бессознательное и мифы. Это биологическое образование становится метафорой социально-политической реальности. Тело становится местом пересечения символического социально-культурного поля и именно поэтому символику тела можно «прочитать». С помощью специальных исследований можно перейти от наивного и имплицитного «чтения» тела к более глубокому и обоснованному.

Если конкретизировать эту проблематику для этнопсихологии, можно спросить: каким образом этническая культура и психический склад выражаются с помощью телесного языка, соматических (вернее – психосоматических) символов? В определенной мере раскрывая эту проблему, можно задать следующие вопросы: а) каковы связи между телесными типами и «языком тела» и этнокультурой? б) каким образом этнический психический склад выражается через «язык тела», т. е. с помощью движений, ходьбы, поз, способов приветствия и других ритуалов?

Не менее важной является проблема связи языка тела с я-концепцией этноса, в частности – с его идеальным я. Каким образом мы, наблюдая поведение представителей своего и чужих этносов, понимаем их самосознание, представление о себе и самооценку? Здесь актуальна также проблема подражания: одеваясь и ведя себя (внешне) как американец, представитель другой нации стремится быть таким, проникнуть глубже в психический мир американца. Это означает, что идентификация с другим этносом зачастую начинается с телесного

подражания. В таких случаях язык тела свидетельствует о маргинальности статуса человека, о том, что у него начались процессы акультурации и ассимиляции.

§ 25. Отражает ли культура этноса его психический склад?

Известно, что настоящую культуру создают немногие, наиболее талантливые люди. Многие их современники никакого представления не имеют о ней, в лучшем случае лишь немногие изучают эту культуру без внесения в нее каких-либо улучшений. Наука, философия, архитектура и т. п. – дело рук немногочисленных талантливых людей.

В таком случае возникает вопрос: если в культуре кристаллизован психический склад ее создателей, то является ли он одновременно психическим складом всего этноса, к которому принадлежат творцы культуры? Иначе можно спросить: сходны ли талантливые и гениальные люди данной нации с самой этой нацией? Это важный вопрос, поскольку мы должны знать, что нам дает психологическая интерпретация культуры определенного народа. Должна ли она дать: а) знание психики всего народа; б) или же психического склада небольшого числа людей, каждый из которых, к тому же, является индивидуальностью?

Мы предлагаем следующую гипотезу: великие люди этноса воплощают в себе наиболее характерные его черты и способности, причем в «сгущенной» и яркой форме. Этим они очень отличаются от остальных своих сородичей. Их не любят, их преследуют, но одновременно им симпатизируют, беря в качестве объектов амбивалентной идентификации.

Мы думаем также, что знание психологических способностей одаренных людей этноса важно для познания этноса, поскольку их уровень – это тот уровень, до какого вырос этнос. Если простые члены этноса считают достижения своих талантливых людей своими собственными достижениями, значит они дотягивают до их уровня хотя бы в качестве учеников и подражателей.

И все же, зная только высокую, сохранившуюся в веках культуру определенного народа, мы не можем сказать, что хорошо знаем этот народ. Нужны дополнительные данные об этом народе, о простых людях, о народных обычаях и верованиях, о тех членах этноса, память о которых не сохранилась. Иначе всему народу будут приписываться (с помощью вездесущего механизма атрибуции) способности, черты и идеи, которые ему вовсе и не были свойственны.

Историки, в частности историки культуры, очень хорошо это понимают. Например, обычно приписывают гениальность всему греческому народу, а между тем: а) древнегреческую культуру создавали несколько десятков человек; б) разные греческие субэтносы очень отличались друг от друга, хотя, как мы думаем, подобно всем субэтносам одного этноса, они, используя стереотипы, приписывали друг другу разные отрицательные качества.

Есть также данные о том, что Итальянское Возрождение было «делом рук» нескольких десятков высокоодаренных людей, в то время как кругом царили безнравственность, тупоумие, религиозный фанатизм, всю работу Святая Инквизиция католической церкви.

Глава 2. Этническая культура и психический склад этноса

§ 1. Соотношение национальной культуры и психического склада нации

А. Общие принципы.

Здесь мы очень кратко представим тот принцип, которого будем придерживаться при обсуждении всех вопросов, касающихся соотношения между культурой и различными аспектами психического склада нации.

1) Распространена идея, согласно которой национальная психика сгущена и объективирована в культуре нации. Следовательно, чтобы принадлежать ей, стать этноформом, следует усвоить эту культуру. Так, русская культура формирует русского человека, французская культура – француза и т. п.

2) Но это – часть истины. Почти не обращают внимания на то, что этнос (нация) создает свою культуру, раскрывая таким путем и объективируя свои психические особенности – характер, интеллектуальные способности, установки и другие содержания своего психического склада. А это означает, что психические черты нации первичны по отношению к ее культуре. Чтобы создать русскую культуру, надо быть русским по характеру (если не по рождению), чтобы создать армянскую культуру, надо быть армянином. Это справедливо для всех наций. Исключения, которые сразу же приходят на ум, лишь подтверждают сформулированное выше правило, поскольку представители других этносов могут творчески работать для данного этноса (в среде которого живут) только в том случае, если культура данного этноса уже существует и усвоена ими.

3) Но уже после того, как возникают этнос и культура (русские и русская культура, японцы и японская культура и т. п.), пусть даже в предварительной и зачаточной форме, уже после этого формирование этноса и его культуры протекает в виде длительного процесса взаимодействия этих двух «факторов»: нация создает культуру, а культура формирует представителей нации, которые должны сохранять и развивать эту культуру. Культура этноса и его психика постоянно взаимодействуют на всех уровнях жизнедеятельности – индивидуальном, групповом и общенациональном. Главный вопрос, таким образом, в следующем: каким образом культура, в процессе усвоения индивидом, превращается в черты и комплексы черт личности, порождает их? И, наоборот, каким образом личность, экстериоризируя свои качества, создает этническую культуру?

4) Но в каких случаях культура может формировать человека определенного этнического типа? Конечно, в том случае, если психический склад этноса каким-то образом сохраняется в ней. Культура является носителем психики, которая в ходе социализации каждого человека получает новую жизнь, новую динамику, индивидуализируется и формирует ядро этнической личности. Как мы увидим позже, это ядро существует как основная («базисная» или «модальная») социальная личность или как национальный характер.

5) В культуре каждого этноса объективирована еще одна достаточно абстрактная психическая структура, которую называют «культурным идеалом личности», т. е. представление о такой личности, какую хотели бы видеть в данной этнокультурной среде. Идеальная личность, как мы увидим, никогда полностью не достигается, она проецирована на будущее. «Базисная» же личность реализуется, это наличная и репрезентативная личность, такая

обобщенная структура, которая в определенной мере есть в каждом взрослом представителе данного этноса.

Б. Сложность ситуации.

Итак, мы видим, что взаимосвязи между этнической культурой и психическим складом этноса нельзя считать простыми. Мы часто видим, что есть немало людей, живущих в одной и той же этнической среде и как будто являющихся носителями одной и той же культуры, но они резко различаются друг от друга как личности. У них различные мотивации, различные степени идентификации со своим этносом, различные типы индивидуальных характеров. Здесь есть люди, которые не представляют свою жизнь вне своего народа, без родины, но есть и немало безразличных к таким ценностям людей и даже предателей, которые легко покидают родину в самые трудные для нее периоды. В каждом этносе появляется целый ряд психологических типов, хотя между ними некоторое сходство все же есть. Это общее – названная выше «базисная личность». Даже только то, что люди говорят и думают на одном языке, между ними создает психологическое сходство.

В свете сказанного нельзя согласиться с Рут Бенедикт в том, что «Психология народа – это его культура». Связи между культурой и психологией этноса очень тесные, но они не однозначны. Правильнее было бы сказать, что психический склад нации закрепляется, объективируется и, если хотите, «кристаллизируется» в ее культуре. При этом можно говорить также о духовной культуре личности: это переработанная и индивидуализированная часть культуры народа, усвоенная личностью и превращенная ею в свою психическую реальность и поведение.

В целом можно согласиться со следующими выводами С. А. Арутюнова: «Итак, психический склад народа не есть его культура, но культура отражает психическую специфику народа...

...Психология выражает себя во всех сферах повседневной человеческой деятельности и оттого кажется неуловимой, пока ей не придается осязаемость в результатах деятельности. Сегодняшние настроения, застывая в культуре, продолжают воздействовать на членов общности, оживляя для новых ее поколений прошлый психический опыт».

На основе изложенного выше общего понимания соотношения культуры и психического склада нации следует перейти к исследованию более конкретных вопросов: путем анализа различных блоков и элементов культуры «вывести» закодированные в них психологические содержания и черты национального характера; раскрывая те или иные аспекты национального склада народа (интеллектуальные, характерологические, касающиеся отношений власти-подчинения и т. п.), попытаться делать прогнозы о том, по каким путям пойдет психическое развитие этноса, какие культурные ценности и новые государственные структуры он может создать; каким внешним влияниям он легче подвержен и т. п. Подобные предвидения были бы весьма ценными и в практическом плане.

В. Повторное творение и психический склад.

Психологический анализ и интерпретация культуры является, таким образом, одним из главных путей развития этнопсихологии, так как в культуре объективированы психические способности, черты, установки и другие аспекты психического склада нации.

Но особенно важными в психологическом отношении нам представляются те культурные ценности этноса, которые повторно и даже многократно создаются (и воссоздаются), возникают вновь и вновь, если прежние образцы по каким-то причинам исчезли. Эти повторно создающиеся ценности наиболее характерны для психического склада этноса, являются объективациями различных его аспектов.

Здесь нам не мешало бы провести аналогию: исследователи сновидений, да и внимательные и вдумчивые люди, давно заметили, что у каждого бывает одно или несколько повторяющихся сновидений. Почему они повторяются, причем иногда в течение многих лет? Мы

предложили два объяснения: 1) потому что в них наша личность на подсознательном уровне обсуждает такую проблему, которая остается нерешенной. Но поскольку она важна, сновидение вновь и вновь появляется и проблема, таким образом, снова дает о себе знать; 2) повторяются такие сновидения, в которых выражаются устойчивые мотивы и черты личности сновидца. Такая аналогия со сновидениями помогает нам стать более внимательными к подобного рода ценностям.

Таковыми повторно создающимися ценностями могут быть: произведения искусства и литературы, формы управления обществом и государством, способы воспитания и обучения, шаблоны взаимоотношений людей в семье и обществе и т. п. Если нация склонна к воспроизведению определенных культурных ценностей, то это означает, что ее активность исходит из ее устойчивых склонностей и ценностных ориентаций. Очевидно, что данная концепция имеет значительный объяснительный потенциал и должна быть расширена на основе анализа соответствующего материала. Здесь же нами предложены лишь основные ее положения.

Г. Воспроизведение этнозащитных культурных структур.

В указанной выше тенденции повторного создания тех ценностей, которые потеряны, есть один важный аспект, который требует особого рассмотрения. Мы утверждаем, что нация и ее группы, когда они оказываются в чужой стране со статусом национальных (этнических) меньшинств, в первую очередь воспроизводят те ценности и структуры, которые имеют этнозащитную функцию. Это те элементы культуры и те институты, которые защищают этнос от ассимиляции и исчезновения. В их числе: школы; язык, языковая культура и излагаемая на этом языке национальная история; религиозная идеология и церковь, если они уже были и являлись национальными (т. е. носителями национальных ценностей и духа народа); общинные формы жизни: тип национальной семьи и т. п.

Данное явление очень четко видно в культурном творчестве этнических групп армян в разных странах. Но опыт армянской диаспоры также свидетельствует о том, что у каждой такой группы потенциал воссоздания основных защитных структур культуры ограничен и со временем, как это имеет место в армянских общинах Польши, Венгрии, отчасти – Франции, защитные способности этноса под давлением ассимилирующих факторов могут уменьшаться до катастрофически низкого уровня.

Д. Заимствование культурных ценностей и психический склад этноса.

Известно, что каждая этническая культура создается тремя основными путями: 1) путем творческой работы самого этого этноса, его наиболее одаренных представителей. Каждая культура имеет внутренние возможности дальнейшего развития, и новые поколения в какой-то мере используют эту потенцию; 2) путем прямого заимствования; 3) путем заимствования и переработки, превращения элементов чужой культуры в факты культуры своего этноса. Например, считается, что христианская религия стала частью национальной культуры тех народов, которые ее не создавали, но заимствовали у евреев и практикуют в течение многих веков.

Как бы то ни было, заимствование является одним из механизмов развития культуры. Но каким образом происходит заимствование и усвоение чужой культуры? Исследователи заметили следующие закономерности: 1) данный этнос легче всего заимствует культуру того этноса, с которым находится примерно на одном уровне развития; 2) иногда заимствование имеет характер поверхностного подражания; 3) подлинное восприятие и усвоение культуры другого народа имеет место тогда, когда заимствованные ценности подвергаются «внутренней обработке» и получают собственные национальные «цвета». Все эти закономерности, точнее – пути или способы заимствования, подлежат обсуждению. Но мы скажем несколько слов только о первой из них.

Итак, первая закономерность заимствования гласит, что данный этнос легче заимствует культуру того этноса, с которым находится примерно на одном уровне развития. Однако трудность состоит в том, что следует знать уровни развития этносов, критерии их разграничения и критерии сравнения этносов по уровню их развития. За основу можно брать представления об этапах этнической истории народов в виде ряда: род-племя-племенной союз-народность-народ-нация, или, например, описанные Л. Н. Гумилевым фазы развития. В целом факты подтверждают правильность данного подхода. Например, многие индейские племена в Северной и Южной Америке, аборигены Австралии, Тасмании и других частей света не сумели адаптироваться к европейской культуре. Однако истины ради следует сказать, что во многих случаях их просто лишили этой возможности и истребили. С другой стороны, есть народы, которые с большим трудом ассимилируются, а это означает, в частности, что они с трудом воспринимают чужие культурные ценности. Можно задать более конкретный вопрос: почему, например, евреи с трудом ассимилируются? Причина, по-видимому, в том, что они превосходят многих по уровню развития. Но в таких случаях, конечно, действует целый комплекс этнодифференцирующих и этнозащитных механизмов. Этой неспособностью ассимилироваться в тюркском этническом море с более низкой культурой объясняется также то, что армяне и греки в течение веков вызывали у турок зависть, ненависть и злобу, которые завершились вандализмом и геноцидом этих народов на территории Турции и руками турок.

Что касается случаев не столько заимствования, сколько переработки и включения элементов чужой культуры в систему собственной национальной культуры, то лишь при таком подходе происходит настоящее обогащение национальной культуры. Исследователей данный вопрос уже заинтересовал. С. А. Арутюнов отметил, что японский культурный комплекс возник в своеобразных природных условиях, когда этногенез японцев происходил в условиях длительной изоляции. Японская культура в значительной мере приспособлена к этим условиям и обстоятельствам истории японского народа, и элементы названного комплекса очень хорошо взаимосогласованы. Начиная с XIX века в Японию начинает проникать западная культура, но она не интегрируется в японскую культуру и начинает жить рядом с ней. Но постепенно, особенно в XX веке, происходит ассимиляция, в процессе которой на японскую культуру и психический склад начинают оказывать влияние также элементы национальной психологии других народов. Еще Ф. Боас, который считается одним из основателей психологической антропологии (этнопсихологии), впервые пришел к выводу, что любой культурный элемент – предмет, действие, установка и т. п. – может стать понятным только в целостной системе данной культуры, той, частью которой является. Поэтому заимствование элементов других культур происходит путем их переосмысления: заимствованные элементы чужих культур в данной культуре приобретают новое значение.

Е. «Нет пророка в своем отечестве» (новый подход)

Почему нововведения многих выдающихся людей отвергаются в среде родивших этих людей народов, но нередко воспринимаются и плодотворно используются другими народами? Таких выдающихся людей породившие их народы нередко даже преследуют и уничтожают!

Примерами культурных нововведений с такой судьбой могут служить следующие: а) христианство, которое было отвергнуто евреями, уничтожившими его создателя; б) буддизм отвергнут в Индии, но стал официальной религией целого ряда других стран; в) ряд научных и даже технических открытий и изобретений, не говоря уже об идеологических и философских системах, имел такую же судьбу.

В целом есть большая правда в крылатом выражении «Нет пророка в своем отечестве». Оно должно быть предостережением для многих выдающихся людей. Но в чем причины этого, на первый взгляд, странного и вредного для самих этих наций явления?

Мы предлагаем гипотезу, согласно которой есть нововведения, которые не соответствуют духу и традициям того народа, в среде которого изобретаются. Они являются новыми, а следовательно – отклонениями, ересью, а их создатели воспринимаются в качестве девиантов, еретиков. Именно поэтому их отвергают. Но тогда мы должны дать ответ и на другой вопрос: а почему эти нововведения нередко находят поддержку у других народов? Причина тут противоположная: эти народы могут принять названные нововведения по нескольким причинам: а) все, что создано чужаками, для некоторых народов обладает особой привлекательностью. Они могут отвергать сходное изобретение своего сородича, но охотно воспринимать и заимствовать то же самое, если оно представлено в упаковке «иностранный». Эти народы обычно не обладают высоким уровнем самоуважения и чувства собственного достоинства; б) нововведение может случайно соответствовать интересам и характеру какого-либо другого народа: его психическая структура и уровень развития могут быть подготовлены для принятия таких новых ценностей лучше, чем психика того народа, в среде которого было создано изобретение. Здесь создатель, как говорится, оказался намного впереди своего народа; в) наконец, если речь идет о новых идеях, то в других странах могут действовать более умелые и умные проповедники. Примером может служить победа марксизма в России благодаря большевикам, в то время как в Германии интеллектуальные и политические способности марксистов были намного более скромными.

§ 2. «Субъективная культура» и проблема национального характера и менталитета

Рассмотрение содержания понятия «субъективная культура», введенного в сравнительно-культурную психологию Г. Триандисом, поможет нам в определенной степени конкретизировать два вопроса: 1) Каким образом культура этноса формирует определенные черты характера людей? 2) Каким образом культура, ее нормы, создают определенные аспекты того явления, которое получило название «менталитет».

А. Что такое «субъективная культура».

Американский этнопсихолог Г. Триандис определяет «субъективную культуру» следующим образом: это те характерные способы познания, которые члены определенной общности употребляют для познания той культурной среды, в которой они живут. В это понятие входят способы категоризации восприятия явлений культуры, социальных объектов и социальных ролей. В субъективную культуру входят также те нормы и ценности, которые люди признают своими. Хотя есть большие индивидуальные различия в субъективной культуре, все же определенные ее черты, по-видимому, свойственны большинству членов каждой этнической общности и даже суперэтносам.

Субъективную культуру можно рассмотреть на различных уровнях социальной структуры: индивида, группы, этнической общности и даже суперэтноса.

Для иллюстрации сущности субъективной культуры Г. Триандис приводит пример, который мы здесь представим в изложении Т. Г. Стефаненко: «Чтобы лучше понять, что такое субъективная культура, представим себе двух приятелей, которые за совместный труд получили некоторую сумму денег. То, как они разделят деньги, во многом зависит от того, к какой культуре они принадлежат, ведь в поведении людей отражается специфика ее норм. Например, в США преобладает норма справедливости: Джон и Генри, по всей вероятности, разделят деньги согласно вкладу каждого в общий труд. Для нашей страны более характерна норма равенства: почему бы Ивану и Петру не разделить деньги поровну? Есть культуры, представители которых в предложенной ситуации выберут норму потребности: родители одного из друзей бедны, поэтому он получит больше денег. Может быть выбрана и норма привилегий, в соответствии с которой в выигрыше окажется сын высокопоставленных роди-

телей. В современном обществе подобные неписанные нормы субъективной культуры часто противоречат законам государства, но сохраняются „в головах людей“».

Приведенный пример ясно показывает, что понятие «субъективная культура» может помочь нам конкретизировать определенные аспекты национального характера.

Б. Субъективная культура и национальный характер.

Мы считаем, что когда у человека систематически наблюдается тенденция руководствоваться в своем поведении определенной социальной нормой, например, нормой справедливости, то такое «справедливое поведение» не является просто следствием знания названной нормы. Усвоение определенной нормы и ее систематическое выражение в различных ситуациях, в том числе в таких проблемных, пример которой приводит Г. Триандис, формирует у личности соответствующую черту характера – справедливость. Об определенной личности мы можем сказать, что она является справедливым человеком.

Описанная связь между социальной нормой и чертой индивидуального характера имеет фундаментальное значение, поскольку подсказывает нам существование следующей закономерности: интернализация социальной нормы порождает в структуре личности определенную черту характера, которая выражается как тенденция в определенных социальных ситуациях действовать определенным образом. Исходя из этого мы можем сделать ряд дальнейших выводов: а) интернализация совокупности взаимосвязанных социальных норм способна порождать комплекс характера личности; б) если в определенной этнической общности у значительного числа людей формируются такие черты и их комплексы, то мы можем говорить уже об этническом характере; в) такие же черты можно наблюдать и на уровне суперэтносов.

Остается неразрешенной проблема: каким образом в психике человека норма превращается в черту характера? Какие процессы при этом происходят, какие механизмы действуют? Есть и другая проблема: это вопрос о сходстве черты характера с установкой. Или, может быть, норма создает установку, а частое использование установки – черту характера? Эта гипотеза требует дальнейшего исследования.

В. Субъективная культура и национальный менталитет.

Национальный менталитет, конечно, очень сложное явление. Мы определили его как выражение (феноменологический уровень) основных ценностных ориентаций и установок этноса.

Исходя из концепций Г. Триандиса о субъективной культуре теперь мы можем сказать, что у разных наций в менталитете превалируют разные нормы. Например, у американцев в менталитете превалирует «чувство справедливости» (как выражение преобладающей роли нормы справедливости), у русских – возможно, «чувство равенства» и т. п. Под «чувством», конечно, следует понимать комплекс когнитивно-эмоциональных переживаний. В случае демократических стран в менталитете их народов ведущее место занимает также «чувство меритократии». Возможно, что это выражение не совсем удачно, но речь идет о том, что эти люди считают: людей следует ценить по достоинству, по их реальной социальной ценности и каждый должен занимать свое место в обществе. Когда данный принцип нарушается, члены такого общества переживают «нормативный бунт». Поскольку меритократические нормы тесно связаны с нормой справедливости, они вместе могут привести к формированию целого комплекса черт национального характера.

По-видимому, всю «субъективную культуру» можно считать частью национального менталитета. Как мы видим, высказанные выше идеи намечают новые линии исследования в этнопсихологии.

§ 3. Структура культуры и формирование личности

Чтобы рассуждения о влиянии национальной культуры на формирование личности не были очень общими и малосодержательными, следует разработать адекватную концепцию структуры культуры. Если удастся выделить ведущие и второстепенные черты культуры, то, по-видимому, удастся показать, каким образом культура участвует в формировании личности.

Мы предлагаем следующую предварительную гипотезу: 1) культура этноса составляет иерархическую или концентрическую структуру; 2) в центре этой структуры находится блок духовной культуры; 3) на периферии находится материальная культура; 4) каждый из этих двух блоков имеет свои подструктуры или слои; 5) в центре всей структуры находятся основные ценности этноса, основные нормы, которые как бы лучами пронизывают все основные компоненты культуры; 6) именно эти ценности и играют решающую роль в формировании этнических типов личностей, так называемого модального этнического характера.

Для дальнейшего развития этой концепции следует опираться на идеи Херсковица, Триандиса и других теоретиков культуры. Главная задача состоит в том, чтобы построить такое понимание культуры и ее структуры, которое позволило бы лучше понять, каким образом культура участвует в формировании этнических типов личностей. В частности, надо исследовать соотношение субкультур и этнических субтипов личностей.

§ 4. Субкультуры, этнос и подтипы национального характера

Каждый большой этнос, занимающий обширную территорию, подразделяется на суб-этносы со специфической субкультурой. Даже в современной Армении, очень небольшой по своей территории стране, существуют субкультуры и их носители – группы (региональные этнографические группы). Для того, чтобы знание субэтносов и их субкультур послужило делу развития этнопсихологии, выскажем ряд идей:

1. Мы предполагаем, что в условиях субкультур формируются подтипы национального характера. Если есть модальные личности русских, армян, французов и т. п., то в регионах России, Армении, Франции и других стран должны существовать подтипы этого модального типа. Подтипы отличаются от основного (модального) типа отсутствием некоторых или наличием дополнительных черт и комплексов при условии наличия ведущих черт модального этнического типа.

2. Вполне возможно, что существование субкультур (региональных культур) является следствием того, что в районах проживания их носителей раньше существовали большие роды или племена, которые были частями большого этноса, но жили относительно изолированно.

На основе анализа фактов можно расширить данную концепцию. Но здесь приведем лишь один пример: в Армении ленинаканцы (жители города Гюмри, бывшего Ленинакана) заметно отличаются от ереванцев или карабахцев, лорийцы от мартунинцев и т. п., не говоря уже о представителях различных групп армянской диаспоры (колоний). Раличия характеров этих подтипов отражаются в народном творчестве, журналистике и в других «аспектах» культуры.

§ 5. Экономический строй и национальный характер

Роль экономики и тех отношений между людьми, которые возникают в сфере экономики, в формировании этнического психического склада наций и народов, по-видимому, огромна. Но эта проблематика пока что слабо исследована. Эрих Фромм, как мы увидим, объясняет возникновение в обществе личностей с «рыночной ориентацией» развитием соответствующего типа экономики, и это – одна из немногих серьезных попыток увязать психологию характера с экономическими отношениями.

Этнопсихологическую экономику или, короче, этноэкономику, которая будет исследовать в основном две проблемные сферы, еще предстоит создать. Речь идет о следующих проблемах: а) влияние экономических отношений на формирование национального психического склада и типов характеров членов этноса; б) учет психического склада и, в частности, интеллектуальных особенностей этноса при построении экономики национального государства. Это задачи будущего, которые, однако, следует исследовать уже сейчас. Здесь мы лишь фрагментарно рассмотрим несколько вопросов этой области этнопсихологии и этносоциологии.

А. Частная собственность и национальный характер.

Начнем наше обсуждение с рассмотрения нескольких идей выдающегося этолога Конрада Лоренца, который, кроме успешного решения сложнейших проблем своей области, производил весьма плодотворные «вторжения» и в область социальных наук и наук о человеке.

При обсуждении проблемы сверхагрессивности современного человека и отсутствия у него тормозных механизмов, предотвращающих агрессивные действия, К. Лоренц в книге «Об агрессии» писал, что в современном обществе существует тенденция положительного отбора не только агрессивных людей, но и тех, кто крайне интенсивно удовлетворяет другие свои инстинктивные потребности: стремление к накоплению богатства, желание самоутверждения и т. п. Под этими тенденциями лежат инстинкты. А вот простая доброта низко оценивается и по ней отбор – отрицательный. Коммерческое соперничество, считает К. Лоренц, может привести к наследственному закреплению таких гипертрофированных черт, как жадность, стремление к самоутверждению и другие, которые не менее страшны, чем внутривидовая агрессия, возникшая и развившаяся в каменном веке, в ходе борьбы между племенами людей. И К. Лоренц благодарит судьбу за то, что богатые плохо размножаются, поскольку, если бы их число росло быстрее, будущее человечества было бы намного мрачнее.

Актуальная для нас проблема состоит в том, что в ходе перехода на «рельсы» рыночной экономики в России и других бывших республиках СССР могут иметь место такие изменения мотивации и характера людей, какие уже имели место, как заметили Э. Фромм и К. Лоренц, в странах Запада. Поэтому безмерный либерализм и призыв к обогащению очень опасны для общества и национального характера, для его положительных черт. В национальном психическом складе народов могут иметь место новые вредные мутации, усиление или появление самых отвратительных качеств человека. Причем следует тщательно исследовать связь агрессивности с этими чертами (с жадностью, стремлением к самоутверждению за счет других, с жестоким соперничеством): однажды появившись, такие комплексы характера могут стать весьма прочными, приводя к изменениям в типах поведения многих людей.

Б. Изменение отношения к труду.

Одним из основных вопросов психологии и социологии труда является вопрос об отношении человека к труду, проблема мотивации труда. Эта важная проблема имеет свои этнопсихологические аспекты, из которых можно выделить в данном контексте следующие два:

а) изменение отношения к труду в рамках моноэтнического общества, при переходе от одной экономической формации к другой; б) изменение отношения к труду у новых поколений этнических меньшинств, живущих в полиэтническом обществе. Здесь мы вкратце рассмотрим лишь второй из этих аспектов.

Изменение отношения к труду хорошо видно у этнических меньшинств в колониях диаспоры, особенно во времена быстрых социально-экономических изменений общества.

Исследование процесса ассимиляции этнических меньшинств в современном американском обществе показало, что между родителями (первое поколение), их детьми (второе поколение), а тем более внуками (третье поколение) обнаруживаются существенные различия по критерию отношения к труду. Представители старшего и младшего поколений по-разному понимают смысл труда и, исходя из этого, нередко не понимают друг друга. Межпоколенные конфликты часто возникают именно на этой основе. Если, например, родители были сельскими жителями или ремесленниками, а их дети работают в промышленности, тогда в их трудовых установках наблюдаются очень существенные различия.

Представители старшего поколения (сапожники, парикмахеры, повара, мебельщики и др.) гордятся своей профессией и мастерством, приобретенным за долгие годы труда. В то же время представители молодого поколения, хотя и более корректны, отличаются нетерпеливостью, нежеланием приобрести мастерство с помощью долгого и терпеливого труда, не удовлетворяются умеренной платой. Они предпочитают заниматься более безопасными видами труда, которые хорошо оплачиваются. Их нельзя считать безразличными к приобретению трудовых умений и навыков, но не всегда они стремятся хорошо выполнять свою работу. Это часто обусловлено тем, что промышленные рабочие при конвейерной системе производства нередко не видят окончательный результат своего труда. Тем не менее старшим такое отношение к труду не нравится.

Все эти и другие вопросы исследуются в экономической антропологии (этноэкономике), области науки, основателем которой считается известный антрополог Бронислав Малиновский. В этой области науки исследуются такие явления, как преподнесение подарков и даров, взяточничество и многие связанные с ними явления дорыночной экономики, которые с точки зрения принципов рыночной экономики считаются иррациональными явлениями.

Специально исследуются проблемы этнопсихологии дорыночной экономики. Поскольку в настоящее время ряд новых независимых государств совершает переход от дорыночной экономики к рыночной, то исследование только что упомянутых явлений приобретает первостепенное значение. В этих странах коррумпированность властных структур, взяточничество, получение различных подарков за услуги и другие иррациональные явления получили широчайшее распространение. Особый интерес представляют этнопсихологические аспекты этих явлений, например – экономических преступлений. На Западе такие вопросы исследуются уже много лет. Некоторые исследования подобного рода проводились также в России.

§ 6. Этническая специфичность потребностей и мотивов людей (новый подход)

Здесь мы предлагаем гипотезу, согласно которой этнически специфичными могут быть почти все потребности и мотивы человека. Ниже мы покажем справедливость данного утверждения для всех основных потребностей и их групп. Но для того, чтобы приступить к этому делу, мы должны вкратце изложить концепцию иерархии потребностей (мотивов), предложенную А. Маслоу, которая в настоящее время, насколько нам известно, является самой разработанной.

А. Иерархия мотивов (концепция А. Маслоу)

У человека много мотивов поведения. Мотив, согласно современным представлениям, это актуализированная потребность. Человек имеет потребность в пище и воде, которая психологически актуализируется и переживается в качестве психических состояний голода и жажды. Голод и жажда являются мотивами поведения, целью которого является удовлетворение соответствующих потребностей. Познавательная потребность выражается в виде интереса, который заставляет человека осуществлять познавательную деятельность.

Известный американский психолог Абраам Маслоу считал, что потребности (а следовательно, и мотивы) человека в его психике образуют иерархию (см. рис. 1). Удовлетворение физиологических потребностей (уровень 1) позволяет человеку подняться на второй уровень своих потребностей, удовлетворение потребностей второго уровня – на третий уровень и т. д. Правда, бывает и так, что два или больше уровней одновременно регулируют и мотивируют психическую активность человека.

Схема, предложенная А. Маслоу, оказалась весьма полезной в различных областях человеческой деятельности. Она имеет некоторые недостатки, но в целом является полезным инструментом в руках психологов. Мы полагаем, что эта схема касается всех людей, независимо от их расовых и этнических различий. Однако наша задача состоит в том, чтобы показать этническую специфичность всех этих групп мотивов и отдельных потребностей, поскольку без этого мы не сможем применить концепцию мотивации А. Маслоу в области этнопсихологии. Для раскрытия этнопсихологических аспектов личности и основ ее характера и поведения такая этническая конкретизация совершенно необходима.

Рис. 1. Иерархия потребностей по А. Маслоу. (См.: Maslow A. Motivation and personality. New York, 1970)

8 Трансцендентальные потребности: желание знать загадки природы и Вселенной.

7 Потребности самореализации: желание иметь осмысленные цели и реализовать свои потенциальные возможности.

6 Эстетические потребности: потребность в порядке, красоте и гармонии.

5 Познавательные потребности: желание узнавать новое, понимать явления.

4 Потребность в самоуважении: желание быть уважаемым и оцененным.

3 Потребность в любви: потребность принадлежать к определенной группе, желание быть принятым.

2 Потребность в безопасности: безопасное место, свобода от тревоги и страха, стабильность и выживание.

1 Физиологические потребности: в пище, воде, отдыхе, сне, половая потребность и т. п.

Б. Этническая специфичность потребностей.

Поскольку предметы и другие ценности, с помощью которых люди стремятся удовлетворить свои потребности, берутся из наличной социально-этнической культуры, то существуют, кроме общечеловеческих, еще и этнически специфические потребности и мотивы людей. Если руководствоваться концепцией иерархии мотивов А. Маслоу, то можно сказать, что этнически специфические мотивы могут встречаться на всех уровнях этой иерархии.

Эта общая гипотеза позволит нам шаг за шагом проследить этнически специфические мотивы индивидов (членов данного этноса) на каждом из уровней мотивов.

1) На уровне первичных физиологических потребностей мы встречаем, например, потребность в национальных блюдах. Если с раннего детства человек привык питаться национальными блюдами, то у него возникает устойчивая потребность в них. Их заменители могут не давать полноценного удовлетворения. Точно так же житель гор лучше всего чув-

ствует себя, когда дышит чистым воздухом своего горного края. Более того, половое удовольствие тоже может быть этнически специфическим.

2) На втором уровне (идя снизу вверх) мы на схеме А. Маслоу видим потребности в безопасности, жилище, свободе от страха и т. п. Но где же человек лучше всего удовлетворяет эти свои потребности, если не у себя дома, в родной стране? (Если исключить те случаи, когда человек совершил преступление и скрывается от правосудия). Следовательно, эти потребности в большинстве случаев являются этноспецифическими. Особенно специфичны пути и способы их удовлетворения. В этой связи возникают, конечно, проблемы миграции, ностальгии и другие, которые тоже, по-видимому, возможно истолковать по-новому в свете находок этнопсихологии.

3) На третьем уровне мы видим потребность в любви, принадлежности к определенной социальной группе, желание быть принятым в референтных группах. Но мы уже знаем, что этническая идентификация – один из самых интенсивных и важных для человека социально-психологических процессов. И на этом уровне потребности человека в значительной мере являются этнически специфическими, причем даже в еще большей степени, чем на предыдущих уровнях.

4) На четвертом и на более высоких уровнях мы уже видим такие потребности, которые, по-видимому, не так тесно связаны с этнической группой и ее культурой. Когда эти потребности усиливаются, человек может покинуть пределы своего этноса и искать такую среду, где он мог бы полнее всего самореализоваться и самоутвердиться.

Поскольку обрисованную выше линию исследования мы только что начинаем, необходимо сформулировать ряд новых идей и задач. Во-первых, поскольку в реальной жизни поведение человека имеет целую группу конвергирующих мотивов, то регуляция его поведения происходит одновременно на нескольких уровнях. Поэтому мотивация поведения всегда является в определенной степени этноспецифичной. Во-вторых, этнически специфичными могут быть также группы, сочетания потребностей и способы их удовлетворения. Такие сочетания встречаются у разных этносов, поэтому возникает вопрос: каким образом формируются этнически специфичные комплексы мотивов и какое своеобразие они сообщают поведению представителей различных этносов?

Наконец, когда мы говорим о потребностях людей, нельзя забывать о потребности в родном языке и в осуществлении познавательных процессов с его помощью. В процессе этнической социализации у каждого человека формируется подсознательная сфера психики, которая в значительной степени структурирована с помощью родного языка. Это неотъемлемая часть психической сферы человека, которая оказывает самое непосредственное влияние на поведение и взаимоотношения людей, и человеку невозможно изолировать эту часть своей психики. И в этом смысле этнокультурная принадлежность человека – это судьба, возможности которой следует использовать наилучшим образом, а не пытаться восстать против нее, т. е. против части собственной сущности.

Часть II

Этнический склад, адаптация и характер

Глава 3. Этнический психический склад и характер

В процессе этногенеза формирующаяся общность приобретает целый ряд психических черт и образований, которые составляют ее психический склад. Очередность рассмотрения проблем у нас будет следующая: вначале мы попытаемся вскрыть структуру этнического (национального) психического склада в целом, затем вкратце рассмотрим проблему этнического темперамента (как «блока» этнического психического склада), а последующие параграфы посвятим национальному характеру. Как будет видно из дальнейшего, лишь только темпераментом или характером содержание этнического склада не исчерпывается. Но остальные блоки этой сложной системы (например, самосознание этноса) и целый ряд других элементов станут предметом рассмотрения в других главах и разделах настоящей книги, а также в новых трудах автора.

§ 1. Этнический психический склад и его структура

В процессе этногенеза, в результате адаптации и решения многочисленных конфликтов, преодоления кризисов и других проблемных ситуаций, этнические группы приобретают сложную психологическую адаптивную систему, которую называют психическим складом этноса. Что же включает в себя эта структура? Это в первую очередь этнический темперамент и характер. Кроме того в состав этнического склада включаются: 1) ценности и ценностные ориентации этноса; 2) адаптивные стратегии, которые возникают для реализации этих ценностей и адаптации этноса в мире. Сами же адаптивные стратегии, по нашему мнению, являются сочетаниями установок (ценностных ориентаций) с адаптивными механизмами и комплексами, в том числе защитными.

В процессе этнической защиты и адаптации используются элементы этнической культуры, которыми заполняются защитные процессы. Культура, таким образом, участвует в защитно-адаптивных процессах этноса на основе его адаптивных стратегий, с помощью этих стратегий, включающих самые различные действия и психические процессы. Например, культура в процессе рационализации может предоставить этнофору факты и аргументы в пользу этноса. Мы, например, при сравнении нашего этноса с другими приводим факты о его талантах, вспоминая крупных мыслителей и других деятелей, их творения и т. п., т. е. часть культуры.

А. Этнический темперамент.

Первым «блоком» психического склада нации является ее темперамент. По аналогии с индивидуальным темпераментом, структура и функции которого исследуются давно, можно предложить гипотезу о существовании группового, в данном случае – этнического темперамента. Что же следует понимать под этим названием? На основе исторических данных и актуальных наблюдений мы можем сказать, что этносы отличаются друг от друга по таким параметрам, как уровень реакции на одинаковые раздражители, темп психической деятельности, чувствительность и т. п. Например, на одни и те же события одни этносы реагируют бурно, другие – умеренно и т. п. Так что качественно своеобразное явление, этнический темперамент, по-видимому, существует. Если брать за основу известные классические типологии темперамента индивидов (сангвиник, холерик, меланхолик, флегматик), то вполне

ясно, что в этносе как популяции они имеют определенное распределение. Допустим, мы с помощью массовых обследований установили, что в составе этноса ЭА эти типы представлены, соответственно, процентами: 30 %; 30 %; 25 % и 15 %. В этносе же ЭБ эти проценты несколько иные: 40 %; 25 %; 20 % и 15 %. Тогда мы можем сказать, что в ЭА преобладают сангвиники и холерики, а в ЭБ – тоже, но здесь сангвиников значительно больше. Следовательно, ЭБ «более сангвиничен», чем ЭА. Вряд ли возможны случаи, когда один тип сильно преобладает, так, чтобы весь этнос можно было бы охарактеризовать лишь в качестве холерика или меланхолика и т. п., хотя на подобный вопрос могут дать более точный и конкретный ответ только сравнительные этнопсихологические исследования.

И все же, зная из индивидуальной психологии, что темперамент, как наследуемый комплекс психофизиологических черт, характеризующий динамику психической активности человека, оказывает всепроникающее и устойчивое влияние на формирование характера и даже на обучаемость, мы можем утверждать, что в этнопсихологии установление преобладающего темперамента этноса очень желательно и даже необходимо. Тут, правда, возникает трудный вопрос, ответ на который нам пока не совсем ясен. А вопрос этот следующий: происходит ли на этническом уровне синтез типов темпераментов и существуют ли собственно групповые темпераменты как качественно новые образования? Возможно ли такое вообще?

Не зная еще точного ответа на этническом уровне, мы можем более конкретно построить наши рассуждения на малых группах, из которых состоит этнос. Возьмем определенную семью и предположим, что все ее члены имеют холерический темперамент. Это, впрочем, возможно, если иметь в виду законы генетики. Если муж и жена случайно оказались холериками, то их дети с большой вероятностью тоже могут быть обладателями такого темперамента. Произойдет ли синтез всех этих индивидуальных холериков в какую-то групповую «холерическую реальность»? Что такое холерическая семья? и т. п. Ясно, что эти вопросы более конкретные и научные, чем те, которые мы можем задать о темпераменте больших социальных групп и этносов.

Отметим, что в социальной психологии уже выделяют так называемые экстравертивные и интровертивные группы (а не только личности). Под экстравертивными понимают те группы, активность которых направлена главным образом на внешний мир и экспрессивна. Интровертивные группы обладают противоположными чертами. Средний тип – амбиверсия. Как мы видим, здесь классификация осуществлена только на основе одного «измерения» темперамента, и на оси «интроверсия-экстраверсия» мы можем расположить различные этносы. Поскольку темперамент – сложная структура черт, полное описание группы по темпераменту будет многомерным.

Таким образом, поскольку этнос не обладает единым материальным телом (организмом) со своей нервной системой и мозгом, со своим единым соматическим типом и генотипом, то под этническим темпераментом следует понимать, как мы уже сказали, преобладающий в этносе тип индивидуального темперамента. Если, например, конкретные и достаточно корректные исследования покажут, что среди французов сангвиники составляют, допустим, 50 % всех членов этноса, то можно будет сказать, что для французского этноса типичным является сангвинический темперамент. Это, конечно, пока что только гипотеза.

Раскрытию преобладающего в этносе типа темперамента поможет тот установленный факт, что между типом строения тела и типом темперамента существует связь.

Поскольку антропологические (телесные) типы измерять легче, к установлению этнического преобладающего темперамента можно подойти именно с этой стороны, хотя возможно и проведение собственно психологических исследований. Следует исследовать корреляции между телесными типами и типами темперамента, изменение этих типов в зависимости от условий жизни и различных блоков культуры, например, от традиций, которые для различных этнических групп различны. Если будут обнаружены межэтнические раз-

личия по темпераменту, они станут показателями своеобразия этносов и возникнет также задача нахождения тех механизмов и закономерностей, с помощью которых они возникли.

Известно, что тест Г. Айзенка, созданный для определения экстравертированности и эмоциональной устойчивости-невротизма, хорошо работает на индивидуальном уровне. Можно использовать его и для решения этнопсихологических задач. Если, например, установлено, что 60 % итальянцев составляют экстраверты, то мы можем охарактеризовать эту нацию как общность экстравертов.

Подобные исследования представляют не только научный интерес. Дело в том, что если в определенной этнической группе преобладают экстраверты, то можно прогнозировать, что в ней будет много уголовников и много тех, кто стремится стать воинами, артистами и т. п., т. е. такими специалистами, от которых требуется поведение экстраверта. В такой нации будет много лиц, склонных к пьянству, незаконным половым отношениям, внебрачным и добрачным связям, к групповому сексу и т. п. Подобные прогнозы могут помочь создателям законов, руководителям и педагогам при решении таких вопросов, как выбор способов поощрения и наказания, методов обучения, создания рабочих мест и т. п.

При исследовании этнического темперамента очень важно то, какая типология кладется в основу исследования. В настоящее время приемлемыми можно считать две из них: а) типология Гиппократ-Павлова и б) классификация Юнга-Айзенка. Поскольку считается, что вторая из этих типологий включает в себя первую и основана на более современных данных психологии, то можно выбрать для применения в этнопсихологии именно вторую типологию. Следует, исходя из этого, проверить, каким образом различаются члены разных этносов по таким компонентам темперамента, как скорость реакции, уровень реакции, темп психической активности и другие. Поскольку темперамент в основном носит наследственный характер, то, раскрывая эти различия, мы тем самым составим представление о некоторых наследственных психических различиях этносов. Это может стать важным достижением.

Следует также выяснить, каким образом меняются известные типы темпераментов в зависимости от физического типа, условий жизни, культуры этноса и способов воспитания, других предпосылок и условий, которые у различных этнических групп различны. Если будут обнаружены этнические различия по чертам темперамента, тогда они станут признаками этнической специфичности, требуя применения методов измерения и критериев оценок. Возникает также необходимость в исследовании истории развития каждого из типов в каждом этносе. Так, шаг за шагом исследуя историю развития остальных аспектов психологического склада этноса, можно будет создать этнопсихологическую историю этноса и нации.

Применение в этнопсихологии концепций Г. Айзенка и У. Шелдона позволит создать предпосылки для определения наследственных факторов, лежащих в основе национального характера, относительного вклада способов ухода за детьми, воспитания и социализации, и исследовать соответствующие различия между этносами.

Во всех указанных направлениях следует предпринимать целенаправленные исследования, поскольку они являются многообещающими для этнопсихологии.

Еще одну проблему мы бы хотели здесь сформулировать, прежде чем перейти к обсуждению вопросов этнической характерологии: речь идет о взаимосвязи этнического темперамента со стереотипами. Дело в том, что каждый этнос имеет стереотипы относительно черт своего темперамента, о которых имеют стереотипные представления также другие этносы. Таким образом, наряду с подлинными чертами темперамента каждого этноса, которые следует раскрыть, относительно этих черт существуют группы авто- и гетеростереотипов. Многие этнические стереотипы возникли вследствие спонтанной «диагностики» черт темперамента, часть которых является, конечно, результатом атрибуций. Например, представителям

северных народов приписывают «холодность» (например, норвежцам), южанам (итальянцам, испанцам и др.) – «горячность» и т. п. Эти стереотипы тоже следует исследовать и описать, поскольку взаимодействие этносов и даже их самооценка осуществляются во многом на основе знания не подлинных черт темперамента, а стереотипов.

Б. Другие компоненты психического склада нации.

Психика, или психический склад нации, – сложнейшее образование, адаптивный гиперкомплекс, и было бы неоправданной смелостью сказать, будто сегодня мы уже знаем все те компоненты, из которых он состоит, а также динамику и развитие этой системы. Все же вкратце рассмотрим остальные комплексы национального психического склада, тем более, что о некоторых из них нам в дальнейшем придется говорить более подробно и в связи с другими проблемами. Учтем, что все те черты и качества, которые входят в состав этнического склада нации, становятся, во-первых, качественно иными на этом уровне и, во-вторых, объединяются в качественно новое образование; появляются новые, групповые свойства и качества, которые являются результатами синтеза многих индивидуальных черт и качеств. Психический склад этноса – это вся его психика в системной целостности, единство всех его более или менее устойчивых черт. В случае личности этому соответствует то, что называют структурой личности. В случае же этноса – это психика («психология») общности, т. е. совокупность характеристик устойчивых психических черт. К данной точке зрения близко понимание, представленное в работах Ю. В. Бромлея, который, в свою очередь, учел мнение других авторов.

Поскольку обсуждение национального (этнического) характера у нас будет подробным и разносторонним, здесь вкратце поговорим о том, что еще следует включить в структуру этнического психического склада.

1) Ценностные ориентации и установки. О том, что социальные установки этноса, как психические образования, входят в структуру его характера, мы уже говорили. Надо вспомнить, что социальная установка обычно представляет собой довольно сложную структуру и, согласно существующей и общепринятой точке зрения, состоит из трех компонентов: а) когнитивный блок включает представления, знания об объекте установки, а в качестве таковой могут выступать сама эта этническая группа, другие этнические группы и любые другие социальные явления; б) эмоциональный блок состоит из оценок объекта установки, переживаемых в виде эмоций и чувств. Эти оценки могут быть положительными, отрицательными и амби- или даже поливалентными, что и дает основу для классификации социальных установок, в том числе этнических, на три типа: положительные, отрицательные и поливалентные, которые обычно бывают амбивалентными (двузначными); в) наконец, в состав социальных установок включаются конативные или поведенческие тенденции и программы определенных действий, которые члены этноса склонны совершать при встрече с объектом установки, например, с представителями другого этноса.

Проблема этнических установок заслуживает самого досконального исследования, поскольку ее решение позволит понять многое в особенностях межэтнических отношений. Здесь заметим только, что поведенческие тенденции, закодированные в этих установках, не всегда реализуются, поскольку есть много сдерживающих факторов и ситуаций.

Что же касается ценностей и ценностных ориентаций этноса, то их тоже мы считаем важнейшими частями этнического психического склада.

Ценность – это то, к чему стремится этнос, достижение чего превращает для себя в цель. Именно из сферы системы определенных ценностей люди и группы выбирают свои цели, ради которых организуют порой очень длительную и связанную с преодолением многих трудностей деятельность. Ценностная ориентация – это уже направленность, ориентированность на определенные материальные и духовные ценности. В этом отношении как между индивидами, так и этническими группами существуют серьезные, исторически воз-

нические различия. Эта область исследований настолько важна, что можно поставить задачу развития этнической аксиологии – специальной области этнической психологии и социологии.

2) В этнический психический склад входит мотивационная система этноса. Как известно, существует динамическая иерархия мотивов личности, о которой мы уже знаем. Мы полагаем, что можно говорить об общей системе мотивов этноса, в которую входят мотивы, характерные для значительной части взрослых членов этноса.

Так, говорят о мотиве достижения этноса и даже пытаются классифицировать национальные культуры по критерию преобладающего мотива. Есть нации, для которых ведущим является мотив достижения успехов. Мы считаем, что каждой этнической общности или нации присуща своя система мотивов, включающая ведущий мотив, который «внедряется» в индивидов по всему ходу их социализации.

Отметим, что система мотивов этноса тесно связана с системой его ценностей, из которых выбираются основные цели индивидов, групп и всего этноса. Исследование процесса целеобразования – один из путей раскрытия системы ценностей и мотивов этнической группы. Эти вопросы в определенной степени будут разрабатываться в ходе дальнейшего изложения.

3) Социальные навыки членов этноса – тоже важная часть его психического склада, поскольку они тоже связаны с внутренними психическими процессами и представлениями о межличностных отношениях, отношении к государству и власти и т. п. Кстати, во многих случаях (в повседневной практике и даже в научных исследованиях), когда говорят о «национальном характере» того или иного народа, имеют в виду именно социальную технику и нормы поведения (например, правила общения, социальные дистанции, т. е. проксемию этноса и т. п., о которых мы уже знаем из предыдущей главы).

4) Интеллектуальная сфера активности этноса – важнейшая часть его психического склада. В этот блок входят интеллект, познавательные способности и процессы не только общечеловеческие, но и те, что характерны для данного этноса и его членов. Речь идет в последнем случае об этническом своеобразии восприятия, мышления, творческих процессов и интуиции. Когда же мы говорим об этническом интеллекте и его своеобразии, то имеем в виду, что этнос может отличаться от других этносов и по уровню общей одаренности (G), и по КИ (IQ), и по специфическим и парциальным способностям. Например, у одного этноса средний IQ может быть выше или ниже, чем у других. У одного этноса сильнее развиты математические и инженерные способности, у другого – способности к языкам и т. п.

Особенности интеллектуальной сферы этноса раскрываются несколькими путями: а) путем анализа его культуры, результатов его деятельности, б) путем исследования интеллекта его живых представителей, особенно выдающихся людей, в) путем сравнения с другими этносами.

К этой сфере принадлежит особая и пока совсем не исследованная часть этнопсихологии, которую мы считаем возможным назвать этнической психо-логикой. Известно, что Р. П. Абельсон впервые выдвинул идею о существовании особой психо-логики, т. е. логики психических действий, в отличие от обычной формальной логики. Как внутриспсихические действия с речевыми и другими символами, так и поведение людей очень часто отклоняются от требований и законов формальной логики, поэтому представляются парадоксальными. Существует, следовательно, особая логика психической активности, которая сообщает структуру процессам принятия решения, защитно-адаптивным и другим процессам.

Мы считаем, что эта общечеловеческая психо-логика должна иметь свои этнопсихологические своеобразия, а может быть и такие формы и законы, которые даны только в одной этнической культуре и психике, в мышлении одного этноса, отсутствуя у других этносов. Именно исследованием этих своеобразных форм мышления и должна заниматься этниче-

ская психо-логика. Мы предлагаем здесь гипотезу, согласно которой психо-логика у разных этносов различна (хотя имеются и общие черты), поэтому им очень часто трудно добиваться взаимопонимания. Своеобразны также частные интеллектуальные процессы, например – процессы абстрагирования, логических выводов, строение процессов принятия решений, правила конверсии мыслей и т. п.

Поскольку с интеллектом теснейшим образом связаны язык и речь, то все эти своеобразия интеллекта и психо-логики должны отражаться в языке, в словесной культуре этноса. Имеются различия в вербальной и невербальной коммуникации, в способах общения в зависимости от статусов общающихся субъектов и их принадлежности к разным этническим группам.

Мы считаем, что постепенно формируется специальная область психологической науки об этносах, которую целесообразно назвать когнитивной этнопсихологией.

5) Национальная символика, составляющая значительную часть культуры и того материала, с помощью которого происходит психическая активность этноса, является одним из важнейших и интересных блоков национального психического склада. Проблемам этнических символов и механизмов их порождения (т. е. процесса символизации) мы посвящаем отдельную главу в другой книге, где все вопросы излагаются исходя из нашей основополагающей гипотезы о том, что каждый этнический символ является сгущением части этнической психики. Поэтому истолкование этнических символов – плодотворный путь проникновения в глубины этнических психических процессов и характера нации.

В психический склад нации входят также этнические стереотипы различных видов и различного уровня интенсивности, этнозащитные механизмы и процессы и ряд других явлений, основные из которых рассматриваются нами в соответствующих главах и в других книгах.

В. Этносоциальная память и передача психического склада.

Каким образом умственный и эмоциональный опыт предыдущих поколений передается новым поколениям нации или этнической группы? Для того, чтобы дать ответ на данный вопрос, мы должны использовать понятия «социальная память» и «этническая память». Природу национальной (этнической) культуры мы рассмотрели в предыдущих главах. Здесь, в новом контексте, мы можем сказать, что культура есть форма такой социально-этнической памяти, содержащей в себе психический склад нации, которая и передается новым поколениям через культуру (язык, историю, традиции, быт и т. п.). Но воспринимает культуру современный человек со своими заботами, настроениями и условиями существования. Ситуации, которые возникают при такой встрече прошлого и настоящего, по-видимому, имеют сходство у представителей одного этноса и различия – у разных этносов. Данная проблема уже сформулирована в литературе, но пока в должной мере не исследована.

Мы считаем, что этнопсихологические явления прошлого и их следы в культуре можно рассматривать в качестве разновидности социальной памяти человека и групп, а именно – в качестве этносоциальной памяти, которая дана людям наряду с наследственной бессознательной памятью. Такой подход позволит в дальнейшем в области этнопсихологии, особенно при исследовании этногенеза и этнопсихологической истории народов, плодотворно использовать приобретения психологии памяти.

Г. Реальная и воспринимаемая среда и психический склад этноса.

На этнопсихологические процессы и психический склад этноса оказывает влияние среда обитания, к которой он адаптируется в течение долгого времени. В среду обитания этноса следует включить: а) географическую среду: ландшафты, растительность и т. п.; б) наличие определенной фауны; в) наличие других этносов; г) наличие культурных ценностей, в широком смысле – наличие в среде таких ценностей и изменений, которые внесены пред-

шественниками. В числе последних могут быть как прежние поколения данного этноса, так и другие этнические группы и народы.

Процесс адаптации к такой сложной среде представляет собой: а) создание новой культуры и развитие или разрушение старой; б) создание собственного психического склада и его изменения.

Однако окружающая среда бывает: а) реальной, т. е. такой, как она есть на самом деле, и б) воспринимаемой, в которой образы реального могут сочетаться с образами вымышленного, т. е. того, чего в этой среде нет. В рамках этноэкологии (одного из направлений современной этнологии) на существование и необходимость такой дифференциации указал Р. Раппопорт. «Воспринимаемую» среду он называет также когнитивной, существующей только в представлении изучаемого населения. Таковы, например, представления о духах, якобы оказывающих влияние на здоровье людей.

Однако в воспринимаемой (когнитивной) среде не только добавляются новые элементы к реальности. Наоборот, представления людей о той среде, где они живут, могут быть неполными. Например, в воспринимаемой реальности могут отсутствовать представления о болезнетворных и других микроорганизмах.

Мы считаем, что проведение различия между реальной и когнитивной средой очень важно для понимания некоторых этнопсихологических явлений и процессов, поведения этносов. Например, представление об угрозах, существующих или воображаемых, может привести к миграции населения. Такие явления наблюдаются, например, в Армении в 80-90-е годы XX столетия.

Подобные взгляды на роль воспринимаемой (т. е. собственно психологической) реальности как детерминатора поведения этнических групп развивают в этноэкологии. Ее представители изучают не столько общественные явления и институты и их взаимосвязи с окружающей средой, сколько представления и знания общества или этноса об этих связях и то, как такая информация организована. Данное направление исследований возникло под сильным влиянием идей Б. Уорфа. Исследуются донаучные представления людей о природе и взаимоотношениях общества с ней, экофильные и экофобные установки, организация всех этих представлений в лексике. Ставится задача выяснить, каким образом воспринимают представители данного этноса (информаторы) свою окружающую среду и каким образом на основе этих представлений принимают решения. Уже существуют методы исследования названных психологических явлений. Мы считаем, что результаты, полученные представителями этноэкологии, могут способствовать развитию определенных аспектов этнопсихологии.

§ 2. «Национальный дух» и психический склад нации

Для развивающейся науки уточнение понятий и раскрытие их взаимосвязей имеет первостепенное значение. Еще со второй половины XIX в., если не раньше, в зарождающейся этнопсихологии начали использовать понятие «дух народа» или «дух нации». Конкретизируя его для разных народов, говорят о «немецком духе», о «русской душе» и т. п. Что понимали исследователи под этим довольно-таки расплывчатым понятием?

Достаточно четкий ответ на данный вопрос в свое время дал Г. Г. Шпет. Разобрав шесть различных значений слова «дух», он пришел к выводу, что предметом этнической психологии является дух «как собрание», «связка» характерных черт «поведения» народа; в совокупности с постоянствами «диспозиции» это есть его характер. Как предмет изучения, этот субъективный характер узнается в его объективации, как совокупность реакций народа на окружающие его вещи, на обстоятельства, в которых он сам участвует, на объективно дан-

ные ему отношения и идеальные образования. Такое понимание национального характера близко к современному, что будет видно из последующего изложения.

Г. Г. Шпет считал, что понятие «духа» как психического состояния индивида (настроения, расположения и т. п.) в социальной и этнической психологии может употребляться лишь метафорически и условно.

Встречается также понимание «духа» в качестве «стиля» или «тона» социальной группы или организации. Это, по словам Г. Г. Шпета, преображенная и творчески оформленная конденсация некоторой структуры переживаний коллективной организации. Дух группы или народа – это его «орган... коллективного единства», чутко откликающийся на влияние событий в его жизни. Именно так следует понимать выражение «дух народа».

Мы считаем, что понятие «дух народа» в качестве «характера народа» (этноса) следует отбросить как неадекватное. Не имеет смысла обозначать «этнический характер» другими словами. Удачнее второе понимание слов «дух народа», которое, после некоторого уточнения, можно представить следующим образом: дух нации (этноса) есть эмоциональное выражение, в виде устойчивого настроения, ее психического склада. Это, так сказать, «всеобщий» дух нации. В тех случаях, когда говорят, например, о «патриотическом духе» народа или о «духе справедливости», на наш взгляд, имеется в виду, что на определенный отрезок времени какая-либо доминирующая черта национального характера ярко выражается в поведении нации и эмоционально украшает всю ее жизнедеятельность. Например, во время войны у народа появляется или усиливается «патриотический дух». В таком понимании понятие «дух» народа или нации имеет право на существование и в современной этнопсихологии. Правда, тут же возникает вопрос: а не то же самое «национальный менталитет»? Мы считаем, что нет: менталитет народа скорее всего есть обобщенная установка, характерный способ умственной (когнитивной) деятельности нации, выражение стиля его мышления, тогда как «дух» является выражением его психического склада, особенно характера. «Дух» и «менталитет» народа в реальности сочетаются в виде комплексного «когнитивно-характерологического» переживания народом своего существования и активности. Дух нации охватывает общее и устойчивое эмоционально-умственное состояние нации (например, оптимистический или пессимистический настрой, вера в свои силы, совокупность преобладающих настроений и т. п.). Таким образом, отождествление характера и «духа» народа неверно, хотя эти явления тесно связаны: устойчивые черты характера индивида или группы выражаются не только в их поведении, но и в эмоциональных состояниях и умонастроениях. Они входят в психический склад личности или группы, в том числе этнической.

В таком понимании, как выражение общих переживаний народа, как заметили еще В. Вундт, Г. Г. Шпет и другие, понятие «дух народа» не только может использоваться: соответствующее явление должно стать предметом этнопсихологических и социально-психологических исследований. Например, интересным предметом исследования является коллективный психологический ответ еврейского народа на холокост или армянского народа на геноцид 1915–1923 гг. либо на его продолжение в Азербайджане в 1899–1990 гг. В этих эмоциональных «откликах» на поражение и победу выражается дух народа.

Эти одинаковые ответы или «отклики», согласно Г. Г. Шпету, вызываются не только природными и социальными явлениями, но и «понятиями и идеями», т. е. предстоящими индивидам и группам «идеальными предметами». Следующие слова Г. Г. Шпета нам представляются значительными: «Таково отношение „души“ к науке, к философии в целом и в ее отдельных проблемах и понятиях – закона, бесконечности, долга, красоты и т. д. Это обстоятельство в особенности должно быть продумано и взвешено, чтобы уметь отличать „историю“ соответствующих „идей“ как историю развития культуры от психологического отношения к ней рассматриваемого коллектива, в среде которого эта история осуществля-

ется. Может быть, нигде так ярко не сказывается психология народа, как в его отношении к им же „созданным“ духовным ценностям».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.